

Бентли Литтл Окраина

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11707843
Литтл, Бентли. Окраина: «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83288-0

Аннотация

Недавно Грегори выиграл большие деньги в лотерею – и захотел начать свою жизнь заново. Он забросил все дела в Калифорнии и в поисках покоя переехал со своей семьей в маленький аризонский городок, в котором когда-то родился и вырос. Воздух здесь чист, а почва не отравлена – все осталось так, как было во времена его детства. Но люди, продавшие ему дом на городской окраине, ничего не рассказали о том, что некогда здесь случилась большая беда. Древнее зло затаилось до поры в стенах этого дома и сейчас, почуяв новую жизнь, начало просачиваться наружу...

Добро пожаловать в наш город! Он так понравится вам, что вы его никогда не покинете!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
I	8
II	12
Глава 2	13
I	13
II	18
Глава 3	21
I	21
II	26
III	30
Глава 4	37
I	37
II	44
III	46
Глава 5	48
I	48
II	50
III	55
Глава 6	61
I	61
II	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Бентли Литтл Окраина

Bentley Little

The Town

Copyright The Town © Bentley Little, 2000. All rights reserved.

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2015

* * *

*Посвящается Добрыниным, Толмасоффым и всем моим
родственникам-молочанам*

Пролог

Лоретта Нельсон ненавидела работать по вечерам.

Так офис по продаже недвижимости работал только в течение нескольких недель в году, предшествовавших проведению Дней меди, которые ежегодно происходили в августе. В остальное время работа, как и во всех нормальных конторах, прекращалась в пять часов вечера – именно такой график больше всего нравился Лоретте. Но она не могла не признавать важность этого праздника и поэтому никогда не жаловалась. Дни меди были тем, что можно было назвать славой города, и тем, что больше всего подходило под определение «туристская достопримечательность», которая привлекала в Макгуэйн множество гостей. Обычно в эти дни в городок приезжали туристы со всего штата... да нет, черт возьми, со всего юго-запада страны, и множество местных магазинчиков, ресторанов и гостиниц выживали только за счет бизнеса, который делали в этот праздничный уик-энд. По оценкам, в прошлом году этих людей, высадившихся в их сонном городишке во время празднеств, было никак не меньше чем десять тысяч человек, и неожиданное и значительное вливание наличности помогло пережить унылый во всех отношениях сезон.

В ту пятницу, субботу и воскресенье их офис продал больше домов, чем в июне – июле, вместе взятых.

Хотя в этом году у них были и другие удачи. Грегори Томасов купил наконец старый дом Меганов, который был выставлен на продажу уже много лет назад и от которого они никак не могли избавиться.

Лоретта не видела Грегори со школы, но он, казалось, совсем не изменился. Так и остался спесивым всезнайкой, которым был в школе, и все еще вел себя так, как будто держал Бога за бороду. Только теперь он был богат. Выиграв несколько миллионов в лотерею в Калифорнии, Грегори, по-видимому, решил вернуться в родной город, чтобы продемонстрировать это всем его жителям. Он *сказал*, что хочет, чтобы его дети выросли в благотворной обстановке маленького городка, и *был* очень мил с Лореттой, когда узнал, кем она стала. Однако это ее совсем не обмануло. Она поняла истинную причину его возвращения в Аризону, потому что почувствовала надменность истинного задаваки в его, казалось бы, обычных словах.

Его жена выглядела так, как будто она тоже относилась к молоканам¹, что совершенно не удивило Лоретту, потому что эти люди всегда держались друг друга – эта женщина выглядела не меньшим снобом, чем ее благоверный.

Хотя сделка и не принесла больших денег, Лоретта была рада, что Коллу удалось уболтать их на покупку дома Меганов – она никак не могла дожидаться возможности рассказать своим друзьям, что ублюдком, которого им наконец удалось развести на бабло, был старина Грегори Томасов.

Однако сейчас она была бы рада и этому несчастному Грегори. Или любому другому. Она не любила оставаться одна.

Не после захода солнца.

Лоретта встала и подошла к окну, выходящему на шоссе.

Пусто.

Только темнота.

¹ Разновидность духовного христианства, а также особая этнографическая группа в России. В Российской империи была отнесена к «особо вредным ересям». Молокане, в частности, отличаются символическим и аллегорическим толкованием текстов Библии.

За пятнадцать лет, что она работала секретаршей у Колла Картрайта, людей, позвонивших или остановившихся у их конторы после наступления сумерек, можно было сосчитать на пальцах одной руки.

Женщина невольно вздрогнула. Шахта, которая располагалась сразу за их зданием, выводила ее из себя. Она понимала, что страх этот был совсем детским. Прожив в Макгуэйне всю свою жизнь, она прекрасно знала, что шахта при ночном освещении ничем не отличалась от шахты при дневном. Она была пуста и заброшенна. Но наличие у нее за спиной черной дыры после наступления темноты заставляло женщину дергаться. Шахта действительно была заброшена, и именно это отсутствие человеческой деятельности заставляло ее нервничать на самом краю этой ямы.

Заброшена шахта была задолго до рождения Лоретты.

И это еще больше пугало женщину.

Она тряхнула головой. Слишком много ужасиков по телевизору за последнее время.

Лаймон обещал показаться и составить ей компанию, но его ненадежность могла сравниться только с его медлительностью, так что ее совсем не удивляло, что он все еще не появился. Лоретта не отрываясь смотрела на дорогу, ожидая увидеть фары его внедорожника, но в эту ночь дорога была абсолютно пустынна. Она подняла глаза на настенные часы. Девять сорок. Осталось всего двадцать минут.

Обойдя помещение по периметру и выглядывая по очереди во все окна, Лоретта наконец оказалась у своего стола. Здесь она стала поправлять свеженапечатанные брошюры, не отрывая взгляда от угольной черноты за окном. Луна только что народилась и висела бледным ковшиком на небе – в ее слабом свете яма выглядела еще темнее, чем на самом деле. Было похоже на то, что шахта втягивает в себя малейший свет, исходящий от земли и небес.

Она хотела уже отвернуться, позвонить Лаймону и прочитать ему лекцию о лени и эгоизме, когда краем глаза заметила что-то. Что-то белое на фоне ночной черноты.

Движение.

Лоретта подошла ближе к окну и осторожно выглянула наружу. Это был свет. Свет на самом дне шахты.

Но ведь там уже почти полвека не могло быть никакого света.

Женщина похолодела. В шахту она боялась смотреть, но и взгляда от нее оторвать не могла. Так и стояла, следя за тем, как бесформенное пятно света неопределенного размера сначала двигалось вверх, а потом стало метаться из стороны в сторону, появляясь неожиданно то тут, то там и двигаясь по внушительной яме серией быстрых рывков вперед, следовавших один за другим.

Эти движения сопровождались звуками, похожими на крысиный визг.

Лоретта отвернулась, стараясь сосредоточиться на теплой и уютной обстановке офиса, который был ярко освещен, и пытаясь выбросить из головы все остальное. Она проверила, закрыты ли окна, и закрыла и заперла входную дверь. Посмотрела на свой стол и брошюры, лежавшие на нем, стараясь уговорить себя, что все это ерунда и плод ее воображения и что на улице не происходит ничего необычного. Однако периферическим зрением она все еще видела этот свет, прыгающий в глубине шахты.

А потом он неожиданно исчез.

Чтобы появиться уже около ее машины.

Сердце Лоретты заколотилось. Больше она уже не могла притворяться, что ничего страшного не происходит. Быстро сняла телефонную трубку, намереваясь позвонить Лаймону. Однако линия молчала.

Выглянув из окна, Лоретта увидела только непроглядную темень. В дверь постучали.

Она чуть слышно вскрикнула. Пульс зашкаливал, сердце бешено колотилось – еще никогда в жизни женщина не испытывала подобного ужаса.

– Да, да... – с трудом сглотнув, произнесла она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно тверже.

Раздался еще один стук, на этот раз громче.

– Убирайтесь! – завизжала Лоретта.

Весь свет неожиданно погас. Она закричала – реакция вполне естественная, но абсолютно бесполезная: офис находился слишком далеко от центра городка, и ее никто не мог услышать. Она может кричать сколько душе угодно, но никто об этом даже не узнает.

Еще один стук.

Рыдая от ужаса, Лоретта всем телом вжалась в стену.

И в этой темноте что-то схватило ее за руку...

Глава 1

I

Свежескошенная трава на лужайке.

Запах загородного лета.

Адам любил этот богатый, густой аромат, хотя сейчас он только усиливал его уныние. Идя от своего дома по тротуару мимо двора Джозефсонов в сторону Роберто, он размышлял о том, насколько несправедлива жизнь. Особенно если ты тинейджер². Ну или почти тинейджер. Этот мир принадлежит взрослым, и они принимают все решения и устанавливают правила – и это всегда сходит им с рук. При чем здесь белые, черные или коричневые? Подростки – вот настоящее угнетаемое меньшинство. Именно их всячески притесняют. У них уже давно эмоции и мысли взрослых людей, но нет их прав.

Адаму было всего двенадцать, но он считал себя достаточно взрослым, чтобы знать лучше других, что ему подходит в этой жизни. И с ним должны хотя бы посоветоваться в вопросах, касающихся его жизни и его будущего.

Но его предки решили переехать в Аризону, даже не спросив его мнения.

Его просто поставили перед фактом.

Просто приказали.

Адам вздохнул. Эта жизнь была просто невыносима.

Его друг уже ждал его, сидя на багажнике старого «Шевроле» своего отца, припаркованного при подъезде к дому.

– Привет, Ад Мэн³! – крикнул Роберто.

– Придурок, – ответил Адам. Никто не позволял себе шутить с его именем, кроме Роберто. Адам этого очень не любил и считал это верхом идиотизма. Это имя выбрала *Babunya*⁴, его бабушка, и, когда она произносила его: *A-a-d-A-am* с ударением на втором слоге, оно звучало вполне прилично. Но когда его произносили на американский манер, Адам его просто ненавидел.

В душе он был рад, что Бабуня будет теперь жить вместе с ними. Ему нравилась сама идея, что она всегда будет рядом и к ней не надо будет ездить на уик-энды. Но сам факт переезда ему не нравился.

Не нравился?

Да он делал его совершенно несчастным!

Мальчик все время оттягивал разговор с Роберто о своем переезде, не зная, как сообщить эту новость своему другу.

Саша была расстроена еще больше, чем он, если такое вообще было возможно. Тео было всего девять, и похоже на то, что ее это мало волновало, но Саша была просто в ярости. Накануне вечером она устроила родителям грандиозный скандал, наотрез отказавшись переезжать и угрожая вообще убежать из дома. Когда Адам засыпал, ссора все еще продолжалась.

Впервые в жизни ему хотелось, чтобы сестра выиграла спор.

² Тинейджерами в США называют подростков в возрасте от 13 до 19 лет.

³ Игра слов: Адам – имя собственное, Ад Мэн – рекламщик.

⁴ Русские слова в тексте даются в написании автора с последующей расшифровкой в тех случаях, когда это необходимо.

Но естественно, этого не могло случиться. Она, может быть, в последнем классе средней школы, но она все еще была тинейджером, а они – взрослыми, а в их мире иерархия всегда будет важнее логики.

Их заставят переехать в Аризону, и с этим ничего нельзя поделать.

Оглядываясь на свой дом, Роберто быстро подошел к нему.

– Давай сматываться, – предложил он. – Ма опять вышла на тропу войны, и я знаю, что она собирается заставить меня мыть окна, или полоть сорняки, или что-нибудь в этом роде. Вчера вечером она всю плешь старику проела, рассуждая о том, что я ничего не делаю по дому, а сегодня с утра только и думает, чем бы меня загрузить.

– Роберто! – послышался из дома голос его матери.

– Вот черт!

Роберто бросился бежать, Адам следовал за ним по пятам. Они пролетели по кварталу, повернули за угол и остановились только тогда, когда голос исчез далеко позади. Оба мальчика тяжело дышали, но не прекращали смеяться – хотя в смехе Адама слышались грустные нотки. Он понимал, что через несколько недель его ежедневным встречам с Роберто придет конец – он не сможет больше избавлять своего друга от домашней работы, и от этого его веселье быстро улетучилось.

– Давай сначала на заправку, – предложил Роберто. – Туда должны привезти новые открытки «Марвел»⁵.

– Давай, – согласно кивнул Адам.

Они прошли мимо соседних участков, срезали угол и направились по загруженному Парамант-бульвару в сторону мини-маркета на круглосуточной бензозаправочной станции. Рядом со сливной решеткой Роберто нашел пластмассового паука, а Адам обнаружил четвертак, забытый в телефоне-автомате, и оба согласились с тем, что впереди их ждет удачный день.

На бензозаправке они прошли прямо к стойкам с коллекционными открытками. Адам был фанатом Человека-паука, поэтому все открытки с изображением этого героя автоматически шли ему. На этот раз таких было четыре, поэтому Роберто получил возможность выбрать себе любые четыре открытки из оставшихся. Остальные были честно поделены пополам.

Они медленно шли вдоль колонок, возвращаясь на Парамант и рассматривая открытки, когда Адам наконец решился:

– Мы переезжаем.

– Что? – Роберто остановился и посмотрел на него с таким видом, как будто сказанное до него не дошло.

– Предки купили дом в небольшом городке в Аризоне. В котором родился мой папаша. С того момента, как выиграл в лотерею и бросил работу, он места себе не находит. Делать ему теперь ничего не надо, вот он и не знает, чего ему хочется. Поэтому и решил вернуться к истокам, или как это там называется, и уговорил Ма переехать в Аризону. Они купили там дом, а теперь заставляют нас бросить все и переехать в самое сердце пустыни. – Слова лились потоком, без всяких пауз, и Адам чувствовал, что в горле у него стоит комок и он вот-вот расплачется.

Роберто молчал.

Они смотрели вокруг себя: на дома, машины, колонки, улицу – на все, но только не друг на друга. Никто из них не хотел признаваться в том, что сейчас ощущает.

– Дерьмо, – прервал наконец молчание Роберто.

Адам прочистил горло, захотел что-то сказать, но потом передумал.

⁵ «Марвел» – название киностудии в Голливуде. На открытках обычно изображены герои фильмов компании.

– Ты же знаешь, что я никогда ничего не говорил против твоего старика, верно? Я всегда считал его классным. Но, Ад Мэн, твой папаша полная задница.

Адам удрученно вздохнул.

– Черт!

За спинами у них раздался сигнал автомобиля.

От неожиданности Адам чуть не подпрыгнул и, обернувшись, увидел усатого мужика в изрядно побитом «Шевроле», который жестами просил их отойти от колонки.

– Вы закрываете мне дорогу! – крикнул мужик.

Вместе с Роберто Адам перешел на тротуар.

– Ты сможешь приезжать ко мне в гости, – сказал он. – Недельки на две-три. А потом Ма или Па будут тебя забирать. Если только они не будут против, – добавил он.

– Или будешь приезжать ты и жить у нас.

– Еще лучше, – улыбнулся Адам.

– Аризона, говоришь? – покачал головой Роберто.

– Аризона.

– Тебе придется нелегко, приятель. Придется идти в новую школу, встречаться с новыми людьми, заводить новых друзей... А там, наверное, все знают друг друга с детства, поэтому ты окажешься чужаком. И местная деревенщина будет задавать тебе жару без всяких на то причин.

Об этом Адам еще не думал.

– Так что делать тебе там будет нечего – только смотреть телик и таращиться на кактусы.

– А я скажу им, что я крутой серфингист из Калифорнии. Они, наверное, океана и в глаза не видели. Что они об этом знают? Так что навру там с три короба и стану самым крутым.

– Что ж, какой-то смысл в этом есть, – улыбнулся Роберто.

Возвращаясь в свой район, оба молчали. Адам знал, что Роберто тоже придется нелегко. Они были лучшими друзьями, так что тому тоже придется искать себе новую пару.

Подавленные, ребята двинулись по аллее.

– Тебе придется писать мне почаще, приятель, – сказал Адам, глядя на друга. – Тебе придется писать мне обо всем и держать меня в курсе всех дел, чтобы я не превратился в какого-нибудь закуклившегося джедая⁶.

– Буду, – пообещал Роберто. – Буду писать каждую неделю. И каждый раз буду прикладывать новую открытку с Человеком-пауком.

– Классно, – попытался улыбнуться Адам.

– Там их, наверное, нет.

– Наверное, нет.

Но Адам знал, что Роберто не любитель писать. Его друг, может статься, пришлет пару писем в первые недели разлуки, но письма станут приходить все реже, как только он найдет себе нового лучшего друга, а к началу школы они скорее всего вообще прекратятся.

После переезда он может больше никогда в жизни не увидеть Роберто.

Адам попытался представить себе, как его друг будет выглядеть лет этак через десять, какая у него будет работа, окончит ли он колледж... И будет ли жизнь Роберто другой, потому что рядом не будет его? Будет ли *его* собственная жизнь другой? Ма Роберто всегда говорила, что они благотворно влияют друг на друга. Может быть, их новые друзья не будут такими хорошими?

⁶ Джедаи – персонажи фантастической саги «Звездные войны». Имеется в виду добровольное изгнание и изоляция, на которые обрек себя магистр Йода после поражения в Войне клонов.

– Все равно ты мой лучший друг, – в смущении произнес Роберто, прочистив горло и не глядя на Адама.

– Конечно, – ответил мальчик.

Он вытер глаза и попытался убедить себя, что слезы на них появились из-за смога.

II

В ее сне Грегори опять был маленьким мальчиком. Он стоял на ступенях старого аризонского молебельного дома и смотрел на что-то, что было похоже на деформированный труп ребенка. Дул ветер, очень сильный, который поднимал пыль, а она, в свою очередь, превращалась в смутные темные пятна, напоминавшие очертания маленького изломанного тела, лежавшего на ступеньках.

Сама она наблюдала за сценой как бы со стороны, а не принимала в ней участия. Хотя она и хотела крикнуть своему сыну, чтобы он отошел подальше от тела и спрятался в молебельном доме, она могла только стоять в отдалении и наблюдать, как он наклоняется и неуверенно дотрагивается до лица фигуры.

Ветер подул сильнее, и деформированный ребенок, кренясь, поднялся на ноги. Она увидела неестественно короткие ноги и длинные руки. Торчащая голова была слишком велика для тоненькой шейки и имела пугающе странную форму. Грегори отступил назад, но он тоже уже начал меняться, и его голова увеличивалась в размерах, руки удлинялись, а ноги сжимались – и через несколько мгновений он превратился в абсолютную копию деформированной фигуры, стоявшей перед ним. Его пронзительный крик перекрыл вой ветра, а потом обе фигуры скрылись за завесой пыли и превратились в бесформенные объекты, прячущиеся за стеной песка.

Она проснулась, вся покрытая потом. Тяжело дыша, села на кровати, чувствуя тупую боль в груди. Она не знала, что значит этот сон, но ничего хорошего он не предвещал и сильно испугал ее. Закрыв глаза и наклонив голову, она сложила руки на груди.

И начала молиться.

Глава 2

I

Они ехали вслед за фургоном с мебелью, останавливаясь только для заправки и похода в туалет. Грегори мало доверял перевозчикам мебели и не собирался упускать этих придурков из виду – все они выглядели так, что их не решился бы нанять даже владелец передвижного каравана. Дети, начиная с Феникса, постоянно жаловались и стонали, умоляя остановиться около «Макдоналдса», или «Тако Белл», или какого-нибудь еще ресторана быстрого питания, чтобы перекусить, но он велел им довольствоваться чипсами и крендельками, которые они захватили из дома.

Проехав через Тусон, они направились на восток в сторону Уилкокса.

Позавчера вечером семья устроила отвальную, пригласив на нее всех своих друзей с семьями, – громадную вечеринку в заведении у Дебби и Джона, которая позже плавно перекочевала в их собственный дом. Гости сидели на упакованных коробках и пили из разовых стаканов, стоявших на кухонной стойке. Кончилось тем, что Джулия проплакала весь вечер, обнимаясь со всеми и обещая не пропадать. Она принимала все предложения остановиться в доме приглашавших во время своих уже обещанных частых визитов на каникулы в Южную Калифорнию. Сама Джулия приглашала всех и каждого приехать к ним в Аризону. Правда, на самого Грегори все это прощание не произвело никакого впечатления. Он был скорее взволнован, чем грустил, и смотрел больше в будущее, чем думал о прошлом, – и даже сейчас, два дня спустя, продолжал испытывать этот оптимизм. Ему нравилось ехать через пустыню, и, несмотря на жалобы детей и мрачное настроение Джулии, он чувствовал себя счастливым. Они все начинали заново, их будущее было светлым и широко распахнутым им навстречу, и они могли делать все, что, черт возьми, придет им в голову. Благослови, Господи, эту лотерею!

Для путешествия они купили новый автомобиль – фургон «Додж», – и теперь Грегори наслаждался мягким ходом машины, ее действительно работающим кондиционером и звуком ультрасовременного аудиокomплекса. Он привык к еле работающему кондиционеру и разбитой подвеске старого «Форда», и разительный контраст между этими двумя машинами делал достоинства фургона вдвойне приятными.

Посмотрев в зеркало заднего вида, он увидел, что Саша читает Дина Кунца, а Адам и Тео играют в «Старую деву»⁷. Позади них, на последнем сиденье, сидела его мать и смотрела прямо перед собой. Ее глаза встретились в зеркале с его взглядом, и она одарила его бледной улыбкой.

Он улыбнулся ей в ответ.

Его мать поехала вместе с ними в качестве эксперимента. Она захватила с собой одежду, Библию и другие необходимые мелочи, но даже не попыталась продать свой дом, все еще полный ее мебели, – таким образом она зарезервировала за собой возможность вернуться в любое время. Как Грегори и подозревал, а вернее знал, она не испытывала восторга от того, что ей придется расстаться со своими друзьями, и молельным домом, и другими членами семьи, но она, по-видимому, понимала, что уже не молода, а так как он был ее единственным сыном, то согласилась поехать с ними. Казалось, что в какой-то момент мать обнаружила, что зависит от него больше, чем готова в этом признаться. Сейчас Грегори был

⁷ Карточная игра для детей.

рад увидеть, что любовь к близким пересилила у нее приверженность к местной молоканской общине. Подобное ощущение появилось у него впервые в жизни.

Как и большинство молоканских женщин ее возраста, мать жила для церкви, и вся ее жизнь вращалась вокруг религии и присущих ей соответствующих общественных функций. Однако в последнее время она сильно постарела и теперь проводила в церкви времени больше, чем обычно, посещая все похороны. Грегори не любил, когда она одна ездила в Восточный Лос-Анджелес. В районе церкви расплодилось множество банд, но она продолжала видеть район таким, каким он был много лет назад, и ее ум отказывался мириться с изменениями, которые принесло время. Каждый день Грегори ждал сообщения о том, что его мать расстреляли по дороге или что она или кто-то из ее подружек был убит по пути от церкви до машины, однако пока члены мексиканских группировок и странно закутанные русские молеельщицы умудрялись жить в мире друг с другом.

Сам он уже много лет не ходил в молеельный дом, с того самого момента, как они переехали в Калифорнию. Ребенком родители брали его на молитву каждое воскресенье. Служба длилась весь день, и, хотя ему нравилась еда, которую они приносили с собою – огурцы и помидоры, свежее испеченный хлеб и только что приготовленную *lapsha*, – он боялся самой службы и того, как вели себя взрослые дяди и тети, когда в них вселялся Святой Дух. Все они были его родственники или родители его друзей, люди, которых он хорошо знал и с которыми ежедневно встречался. Но в церкви они были совершенно другими, как чужие, – он крепко держался за руки своих родителей в те моменты, когда на молящихся одного за другим начинал снисходить Святой Дух: они вскакивали со скамеек, передвигались, дергались, по залу, громко топали ногами по деревянному полу и что-то выкрикивали по-русски. Было странно наблюдать за этим внезапным изменением поведения и самой сущности этих людей – это приводило в ужас даже мальчика, который был воспитан в этой религии. Там имелся один совсем древний старик, которому было далеко за восемьдесят и которого он не знал и видел только в церкви. Этот старик пугал его больше остальных – он подпрыгивал на месте с закрытыми глазами, кричал и размахивал руками в разные стороны. Однажды этот старик приснился ему в ночном кошмаре – Грегори так его никогда и не смог забыть: в этом кошмаре этот одержимый человек с закрытыми глазами стал кричать, бросаться на него и наносить ему удары, стараясь сбить с ног.

Сам Грегори никогда не испытывал вселения Святого Духа, и, когда он был ребенком, это сильно его беспокоило. Он считал себя виноватым и недостойным, потому что Бог не считал нужным в него вселяться. Даже его родители периодически подвергались сошествию Святого Духа: в этих случаях его отец начинал раскачиваться взад-вперед, а мать танцевала, распевая псалмы. Хотя никто об этом ему ничего не говорил, маленький Грегори боялся, что другие молокане считают его человеком недостаточно праведным и достойным того, чтобы его коснулся Господь. Именно по этой причине, несмотря на все свои старания, он появлялся в церкви как чужак, как наблюдатель, а не как реальный участник действия.

Действительно, религия молокан была довольно странной, но, хотя он никогда не считал себя ее частью, Грегори всегда был готов ее защищать. В Макгуэйне на них всегда смотрели как на нелепость, предмет насмешек и оскорблений со стороны ковбоев-алкоголиков и мормонов-трезвенников. Молокане были иностранцами, говорили с русским акцентом, держались своим кланом, а в маленьком американском городке это вызывало подозрения.

Грегори особенно запомнил одно воскресное утро, когда группа ковбоев-батраков с загоревшими до кирпичного цвета шеями, которая сидела возле бара по пути в молеельный дом, стала издеваться над их одеждой и оскорбительно называть его отца молокососом. Хотя это и было практически точным переводом слова «молоканин», однако в их исполнении это звучало презрительно и издевательски.

Его родители не обратили на оскорблявших никакого внимания, и Грегори почувствовал стыд и за отца, и за его религию. Именно тогда он решил, что, когда вырастет, не будет ходить в молельный дом. А еще он решил, что когда вырастет, то вернется и надерет обидчикам задницы.

Те же самые чувства Грегори испытал в середине восьмидесятых, когда в Лос-Анджелесе проходила охота на сатаниста Макмартина. В то время публике чудилось сексуальное насилие над детьми буквально под каждым деревом. Кто-то сообщил в полицию о том, что видел дьяволопоклонников на кладбище, и все закончилось тем, что полицейские нарушили погребальный обряд молокан. В этом не было ничего ненормального. Анонимный информатор сообщил о том, что ночью видел среди могил группу людей, одетых во все белое и распевавших ритуальные песнопения, и полиции ничего не оставалось делать, как направить туда наряд. Но нормальным было и то, что молокане почувствовали себя не только глубоко оскорбленными, но и сильно разозленными.

Несмотря на гарантии религиозных свобод, записанные в Конституции, то, как вели себя простые американцы, сильно отличалось от идеала. Молокане покинули Россию, скрываясь от религиозных преследований со стороны царского государства и Русской православной церкви. По своей сути они были пацифистами, живущими в строгом соответствии с Библией. Тот факт, что они признавали как христианские, так и еврейские праздники, такие, как Пасхове⁸, привело к такой же массе недопонимания в США, как это ранее случилось в России. Еще больше американцев раздражал тот факт, что молокане были идейными непротивленцами, которые по религиозным мотивам отказывались служить в армии. Это привело к дискриминации молокан в США, особенно в период Второй мировой войны, причем эти предубеждения гражданского населения всячески подогревались официальными лицами.

И дело здесь было не в полиции. Проблема была в средствах массовой информации. Копы тогда все осмотрели, извинились и уехали, но местные новостные станции в своей сумасшедшей погоне за рейтингом выдоили из «сатанизма» все по максимуму. Ведущие новостей, получающие миллионные гонорары, весело шутили о смоге и уровне загрязнения воды со своими придурками-метеорологами, а затем профессионально стирали веселую улыбку с лица и с выражением абсолютной серьезности торжественно сообщали, что последователи сатанизма, проповедующие сексуальное насилие над детьми, были обнаружены за осквернением кладбища в Восточном Лос-Анджелесе. Хотя это и было абсолютной ложью и полиция уже давно опровергла любую возможность связи между похоронным обрядом молокан и сатанистами, выступающими за сексуальное насилие над детьми.

Грегори возмущался молоканами в те два дня, когда они были во всех заголовках новостей, но он так же был зол на их обвинителей и послал целый ряд писем на местные телеканалы и в «Лос-Анджелес таймс», призывая их прекратить заведомо ложные и распаляющие публику репортажи.

Возмущение и оборонительная тактика. Вот в чем заключался вечный дуализм его жизни.

Тео и Адам устали наконец от своей «Старой девы», и Тео в сотый раз попросила отца описать их новый дом. И Саша, и Адам громко застонали, но Грегори нашел, что это будет полезно всем, и стал рассказывать, как они с мамой нашли этот дом и как мгновенно в него влюбились. Он подробно описал громадный земельный участок, на котором стоял дом, и холм, примыкавший к заднему краю их собственности, а потом стал описывать расположение каждой спальни и то, как они их все обставят.

Грегори еще раз поймал взгляд матери в заднем зеркале. Самые лучшие новости он приберегал напоследок, и теперь было самое время поделиться ими.

⁸ Одно из названий праздника еврейской Пасхи (Песах).

– А еще там есть бануа, – сообщил Грегори.

Глаза его матери расширились.

– Бануа? – переспросила она с ноткой восхищения в голосе.

– Ты помнишь Шубиных? – улыбнулся он в ответ. – Они раньше жили рядом с нашим новым домом...

– Рядом с Меганами?

– Ну да, – рассмеялся Грегори. – Рядом с Меганами. А теперь это наш дом. А жилище Шубиных давно сгорело, так что предыдущие владельцы нашего дома прикупили заодно и их землю. И теперь оба участка принадлежат нам. От дома Шубиных вообще ничего не осталось, а бануа все еще стоит.

– И совсем не поврежденная, – заметила Джулия.

– А что такое бануа? – спросила Тео.

– Это такой купальный дом, – объяснила Джулия. – В старые времена в домах не было ни проточной воды, ни ванн. Воду доставали из колодца, а ванны располагались вне дома. Поэтому вместо душа и ванной люди использовали бануа.

– Не все люди, – уточнил Грегори.

– Русские, – поправила Джулия. – Американцы наполняли водой ванны или обтирались мокрой губкой, а русские пользовались бануа. Сначала туда заходили женщины и девочки, а потом – мужчины и мальчики.

– И что, они все были голые? – хихикнула Тео.

– Да, – улыбнулась Джулия. – Они сидели на деревянных лавках вокруг раскаленных камней и поливали их водой, чтобы получить пар. Пар очищал их кожу, а они слегка похлопывали себя ветками эвкалипта по спине, груди и ногам.

– Зачем?

– Затем, что эвкалипт хорошо пахнет. Они думали, что эвкалипт расширяет поры и делает их еще чище. А потом бежали к ручью или реке и обмывались холодной водой.

– Так это просто как паровая ванна, – заметила Саша.

– Ну да, – согласилась Джулия. – Очень похоже.

– И у нас такая есть? – Адам расплылся в улыбке. – Круто.

– Дурак! – Саша ткнула его локтем под ребро.

– Я и сам так раньше мылся, – сказал Грегори.

– Полный примитив, – состроила гримасу Саша. – Даже думать об этом не хочу.

Грегори и Джулия рассмеялись. Вслед за фургоном с мебелью они съехали с федеральной трассы на шоссе, ведущее к Макгуэйн.

Где-то через час или около того его мать вдруг выругалась по-русски. В ее голосе слышался не то страх, не то паника, и Грегори быстро повернул голову, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

На лице у нее было написано замешательство.

– *Dedushka Domovedushka*⁹, – только и смогла произнести она.

Только не это, подумал Грегори.

Он впился в нее глазами и показал на детей, прежде чем опять посмотреть на дорогу.

– Ведь ты же не пригласил его с нами, правда? – спросила она, не обращая внимания на его жестикуляцию.

Грегори вздохнул, не зная, то ли начинать с ней спорить, то ли обернуть все в шутку.

– Забыл, – коротко ответил он.

– Деду-ушка До-о... Как дальше? – переспросил Адам.

– Моведушка. Домо-оведу-ушка.

⁹ Имеется в виду домовая – хранитель очага.

– А что это такое?

– Он Главный в Доме. – Голос его матери был тонким и наряженным.

– Это русское... – Грегори чуть не произнес «суеверие», но вовремя остановился. – Традиция. – Он так и не смог объяснить своей матери, что они с Джулией не разделяют ее суеверий и специально держат детей подальше от них.

Грегори виновато посмотрел на Джулию. Она понимающе кивнула.

– Я сама виновата, – подала голос с заднего сиденья его мать. – Мне надо было сказать тебе. Напомнить.

– Все в порядке, – сказал Грегори.

– Все в порядке, – повторила за ним Джулия.

– Мне надо было об этом подумать. Надо было самой его пригласить.

– Почему? – повторил вопрос Адам.

– Потому что в доме он самый главный. Он нас защищает. Следит, чтобы все в доме были здоровы и в безопасности и чтобы с домом не происходило ничего плохого. Поэтому, когда переезжаешь, его надо приглашать с собой, чтобы он защищал уже новый дом.

– Ты что, хочешь сказать, что все это время он жил вместе с нами?

Старая женщина утвердительно кивнула.

– Именно поэтому с нами не случилось ничего плохого.

– А на кого он похож?

– Это маленький человечек с бородой.

– А где он живет? На чердаке или в подполе?

– Он живет там, где его нельзя увидеть.

– Мне страшно! – захныкала Тео.

– Мама, – сурово произнес Грегори.

– Нет, он не страшный, – сказала старушка, обняв Тео. – Он хороший. Он живет для того, чтобы защищать тебя и охранять. – Она улыбнулась. – Однажды мой отец его видел. Мы жили на ферме в Мексике, и папа пошел кормить лошадей. Ночью. И там стоял маленький человек, который скармливал лошадям сено. Папа понаблюдал, вернулся и сказал маме: «*Dedushka Domovedushka* кормит лошадей». Он тогда совсем не испугался. А утром мы обнаружили, что гривы у лошадей были заплетены в косы. – Тут она бросила на Грегори вызывающий взгляд. – Так что он есть на самом деле.

– И ты не боялась? – поинтересовалась Тео.

– Нет. Не боялась. А вот косы расплести было невозможно. *Dedushka Domovedushka* помог папе накормить лошадей и хотел, чтобы мы все видели, что он... о нас заботится и следит за нами. Но *Dedushka Domovedushka* не страшный. Он – Главный в Доме и не делает никому зла.

Грегори продолжал молчать, ожидая, пока этот разговор закончится. Тео уже была испугана, и в новом доме им не обойтись без ночных кошмаров. Да и Адама нельзя было назвать смельчаком. Переезд и так был для них тяжелым событием, даже без этих страшных сказок. Грегори надеялся, что до матери дошло, насколько он рассердился и расстроился. Позже ему придется серьезно поговорить с нею: в доме должны быть правила, которые ей придется выполнять, если она хочет жить вместе с ними.

Он взглянул на мать, но она не выглядела ни смущенной, ни виноватой. Ее лицо было серьезно и неподвижно, а когда их взгляды встретились в зеркале, то в ее взгляде чувствовалось осуждение.

– Мне надо было самой его пригласить.

II

Во время поездки Джулия смотрела в окно. Пейзаж был совершенно потрясающим, такой можно увидеть только в кино. Бескрайние просторы, голубые небеса, облака, по размеру напоминающие целые континенты. На площади в сотни миль можно было наблюдать одновременно совершенно разные погодные явления: далеко направо – ливень, грозовые облака собираются слева, а впереди – чистое, голубое небо. Цепь темных холмов и голубых гор на горизонте прямо перед ними совсем не менялась в размерах, что еще раз подчеркивало невероятные расстояния, раскинувшиеся впереди, – они не могли вызывать ничего, кроме восторга.

Джулия наблюдала за поздними летними цветами, которые росли по обеим сторонам шоссе. Цветущая фуккерея, темно-зеленые кактусы-суагаро и светло-зеленые деревья паломверде¹⁰ заполняли весь пейзаж и разрушали представление о пустыне как о мертвой, высохшей земле, начисто лишенной жизни. Она сама была потрясена красотой и богатством окружающей ее земли, когда они впервые ехали выбирать дом. Сначала эта неожиданная идея Грегори насчет того, чтобы обрубить все концы и переехать, не очень понравилась Джулии. Она попыталась объяснить мужу, что всю жизнь прожила в Южной Калифорнии и, несмотря на свое постоянное недовольство и жалобы, не может себе представить жизнь где-то еще.

Но поездка по открытой бесконечной пустыне с музыкой в исполнении Лиз Стори¹¹, звучащей в стереонаушниках, заставила ее всерьез задуматься о возможности жизни в небольшом городке, где все знают друг друга, где соседи помогают и заботятся друг о друге и хотят вместе работать на благо своей общины. Мысль показалась Джулии приятной и многообещающей, поэтому чем дальше они отъезжали от Калифорнии, тем больше она убеждалась в правильности плана Грегори.

Даже дети примолкли, когда дорога пошла вдоль высохших русел рек, стала огибать невысокие холмы и, наконец, стала извиваться по каньонам морщинистой горной цепи, вставшей на их пути посреди пустыни. Макгуэйн располагался как раз в этих горах, и Джулия опять почувствовала, как ее захватывает первобытная красота окружавшей их дикой природы. Справа над ними возвышались скалы, сделанные из такого же многоцветного полосчатого материала, как и скалы Большого Каньона¹². Высоченные виргинские тополя¹³ покрывали дно каньона, а под ними скрывались едва различимые загон для скота и редкие ранчо.

– Почти приехали, – сказал Грегори, указывая вперед. Шоссе ныряло в недавно пробитый тоннель, а на краю скалы были все еще видны остатки старой грунтовки. – Макгуэйн прямо на другом конце тоннеля.

– Классно, – произнесла Тео.

И наконец они увидели городок.

По словам Грегори, он ничуть не изменился с того времени, как он из него уехал. Здесь не было сетевых супермаркетов или корпоративных заправочных станций. Даже сети быстрого питания, которые давно оплели всю Америку словно паутиной, здесь отсутствовали. Ни «Уол-Март» или «Стор»¹⁴, ни «Тексако» или «Шелл»¹⁵, ни «Макдоналдс» или «Бургер

¹⁰ Дерево с корой светло-зеленого цвета, со стволом, покрытым колючками, и почти без листьев.

¹¹ Пианистка и композитор, многократный лауреат премии «Грэмми».

¹² Одна из наиболее известных природных достопримечательностей в США.

¹³ Наличие этих деревьев указывает на то, что на глубине не больше шести метров находятся грунтовые воды.

¹⁴ Сети гипермаркетов.

Кинг»¹⁶. То, что Макгуэйн удалось сохранить свой уникальный характер, а не превратиться в один из тысячи других небольших городков, разбросанных по всей Америке, с самого начала произвело на Джулию большое впечатление.

Выезд из тоннеля походил на выход из машины времени, и Джулия чувствовала себя так, как будто перенеслась лет на тридцать назад и вошла в мир детства Грегори.

Они проехали мимо небольшого ресторанчика и заметили пикап и несколько велосипедов на парковке перед ним. Пять или шесть тинейджеров сгруппировались вокруг деревянного стола, стоявшего рядом с парковкой. Все они подняли головы и помахали проезжающему фургончику. Джулия подумала, что в Южной Калифорнии им бы крикнули что-нибудь оскорбительное или запустили бы чем-нибудь вслед. На противоположной стороне дороги двое ребят, смеясь, прыгнули с дерева прямо в дорожную пыль.

Все это здорово отличалось от того, к чему она привыкла, и теперь Джулия понимала, что Грегори имел в виду, когда говорил о том, что Макгуэйн – прекрасное место для воспитания детей. Городок больше походил на мир Гека Финна¹⁷, на рай для детей, на место, где мальчики и девочки могли карабкаться по скалам, исследовать каньоны, строить крепости и дома, вместо того чтобы тупо сидеть дома и смотреть телевизор или играть на приставке «Нинтендо».

Шоссе входило в город с западной стороны и заканчивалось на покрытой булыжником площади перед зданием суда. Здесь оно разделялось на две узенькие улочки, которые пролегали по разделенным половинкам поселения.

География городка определялась геологией его земли. На южной окраине Макгуэйна располагалась шахта – уродливая глубокая яма, давно закрытая и отгороженная от шоссе изгородью из ржавой сетки-рабицы. В старом здании шахтоуправления теперь располагалось агентство по продаже недвижимости, где они и купили свой дом, и это здание казалось карликом, сидящим на самом краю массивной дыры, которую хорошо дополнял заброшенный высохший бассейн. Остальной город извивался на северо-запад от шахты по двум каньонам, которые выходили на плато, покрытое полыньей. В лучшие годы, по словам Грегори, население городка составляло около тридцати тысяч жителей, потом, когда он здесь жил, оно сократилось до десяти тысяч, а сколько в городке жило сейчас, он не знал.

– Мы что, уже приехали? – заныл Адам.

Грегори взглянул на Джулию и улыбнулся.

– Почти, – ответила женщина.

Места для того, чтобы сдать назад, было мало, поэтому фургон с мебелью остановился на улице, а не на подъездной дороге. Грегори же проехал на своей машине по подъездному пути и остановился прямо на стоянке перед домом. Грузчики еще не успели выбраться из кабины, не говоря уже о том, чтобы открыть борта фургона, а Грегори уже нашел ключ и открыл переднюю дверь. Он собирался вернуться к фургону и следить за их работой.

– Поторопись, папа, – сказала Саша, – мне срочно надо в туалет.

– Стой! – Грегори уже открыл дверь и собирался войти внутрь, когда его мать вытянула перед ним свою худую руку. – Мы должны благословить дом, – сказала она, посмотрев на сына.

Грегори кивнул, жестом велел детям отойти в сторону и бросив на Джулию извиняющийся взгляд, пока его мать произносила русскую молитву.

– А что, там действительно могут быть злые духи? – спросил Адам, вытаращив глаза.

¹⁵ Сети бензозаправок.

¹⁶ Сети ресторанов быстрого питания.

¹⁷ Персонаж произведения Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна».

Отлично, подумала Джулия, теперь Тео точно не заснет.

– Нет, – ответил Грегори.

– Тогда почему Бабуня...

– Это просто традиция.

Несколько минут спустя старуха появилась из входной двери и кивком показала, что теперь можно заходить в дом. Саша бросилась мимо нее в сторону туалетной комнаты. Джулия могла только надеяться, что водопроводная компания не забыла подключить воду.

– А в нашем доме есть злые духи? – спросила Тео.

Грегори взглянул на мать, а та улыбнулась и погладила внучку по голове:

– Даже если и были, то теперь все убежали.

Тео и Адам с криками и смехом бросились внутрь и стали носиться из комнаты в комнату.

– Адам! – крикнула Джулия, переступая через порог. – Тео! Сейчас же прекратите бегать.

Позади них послышались звуки захлопываемой водительской двери грузовика. Грегори посмотрел на мать.

– Тебе надо было пригласить его, – сказала она. – *Dedushka Domovedushka*.

– Я знаю, – ответил он. – Мне очень жаль.

Женщина похлопала сына по спине, вздохнула и вслед за остальными членами семьи вошла в дом.

Глава 3

I

Дни Меди.

У Грегори сохранились детские воспоминания об этом празднике, но с тех пор он превратился в нечто совершенно неузнаваемое. Центр Макгуэйна был украшен флагами, знаменами и воздушными шарами, а автомобильная пробка ничуть не уступала Лос-Анджелесу в его лучшие годы и полностью парализовала движение на узких улочках. Сами они пошли в город пешком, с тем чтобы избежать подобных сюрпризов. Так вот те машины, которые они миновали уже за целый квартал до этого, все еще не могли их догнать. Он заглянул в водительское окно неподвижно стоящего «Сатурна» и увидел там возбужденного блондина, возмущенно выговаривающего что-то сидящей рядом жене.

Джулия, проследив за его взглядом, улыбнулась и сказала только одно слово: «Очаровательно». Адам и Тео были сильно взволнованы, а Саша хотела остаться дома с Бабуней, но после того, как ее тоже заставили идти, шла молча, с кислым видом, демонстрируя свой протест тем, что отстала на несколько шагов.

Откуда-то издали донеслись выстрелы с шоу «Дикий Запад».

– Ну, папа, давай быстрее! – умолял Адам.

– Его повторяют в полдень, – объяснил он сыну. – Вот тогда и посмотрим.

На лужайке перед зданием суда различные местные организации установили свои стенды. На парковке проходила ярмарка, а парк рядом с ней был занят колесом обозрения и различными каруселями.

– А можно пойти в комнату смеха? – спросила Тео.

– Пожалуйста! – подхватил Адам.

– Позже.

Грегори провел их к шоссе, и они заняли место рядом с будкой комментатора, чтобы полюбоваться парадом, который был уже в самом разгаре.

В старые добрые времена парад действительно был событием, которое организовывала местная община, – платформы были не намного больше, чем грузовики с опущенными бортами, которые тогда украшали гофрированной бумагой. Теперь же здесь была платформа «Шрайнерс»¹⁸ из Тусона, один из аризонских сенаторов в «Кадиллаке» 60-х годов с водителем, различные платформы, представляющие крупнейшие магазины штата, корпорации и производства. Сделано это было гораздо профессиональнее, чем раньше, и Грегори не мог не признать: для детей это было гораздо интереснее. И в то же время парад потерял что-то особенное, наивное, оставшееся в прошлом, в тех любительских действиях, во время которых дети из воскресных школ проходили по улице, одетые в костюмы старателей, и катили перед собой своих любимцев в колясках, замаскированных под шахтерские тележки.

Комментатором был какой-то диджей с крупной станции в Тусоне, и его скороговорки, на вкус Грегори, были слишком лихими.

После парада они направились вслед за толпой на ярмарку. Местное племя индейцев установило на ней свой павильон и готовило жареный хлеб; Грегори купил лепешек – такое – на все семейство. Эти лепешки вызывали у него приятные воспоминания. Жареный хлеб был одним из немногих этнических лакомств, которых не было в Южной Калифорнии, поэтому

¹⁸ Североамериканское промасонское общество, основанное в Нью-Йорке в 1870 г.

дети ели его впервые в жизни. И хотя глубоко прожаренное тесто, наверное, одно из самых нездоровых блюд на свете, вкус у него был такой замечательный, что даже надутая Саша отметила, как ей понравилось.

Адам закончил есть свою такос, вытер грязные пальцы о штаны, осмотрелся, и Грегори увидел, как глаза его сына заблестели, когда он увидел что-то в парке развлечений.

– Дом с Привидениями! – воскликнул мальчик и повернулся к отцу: – А нам туда можно, папа?

Грегори проследил за взглядом подростка. Это был один из дешевых передвижных аттракционов, сделанных с претензией на исключительность – у него был кричащий и слишком большой фронтон и почти полностью отсутствовал задник, но Адам пришел от него в восторг. Тео рядом с ним уже заходила от ужаса, и было видно, что для них это будет настоящим ПРИКЛЮЧЕНИЕМ. Грегори вспомнил себя, ребенка, на местной ярмарке, потрясенного видом стенда, на котором показывали замороженное тело Мерзкого Снеговика¹⁹. Даже его родители сразу догадались, что это была дешевая подделка, но он просто *должен* был это увидеть. И хотя оказалось, что это был просто волосатый манекен, помещенный в прозрачный короб, Грегори никогда в жизни не простил бы себе, если б не посмотрел этот аттракцион, поэтому он и не хотел отказывать своим детям в посещении Дома с Привидениями.

– Ну, я не знаю, – сказала Джулия.

– Все будет в порядке, – успокоил он ее.

– А вы тоже с нами пойдете? – с надеждой посмотрел на родителей Адам.

– Нет, – ответил Грегори.

– А ты, Саша?

– Ладно, пошли.

– А ты как? – Адам повернулся к Тео. – Идешь? Или слишком испугалась?

– И вовсе не испугалась, – дерзко ответила девочка.

– Значит, ты тоже идешь?

– М-м-может быть, – ответила Тео с сомнением.

– Трусишка!

– А вот и нет!

Грегори улыбнулся. Адам пристал к сестре только потому, что сам боялся войти в Дом с Привидениями один. Грегори доел такос, выбросил салфетку и бумажную тарелку в урну и вынул бумажник.

– Тео, – поинтересовался он, – а ты пойдешь, если с тобой пойдет Саша?

Тео радостно закивала.

– Ладно, – сказал Адам.

Саша выбросила свою бумажную тарелку.

– Спасибо, папочка, – поблагодарила она.

– Тебе тоже придется пойти, – улыбнулся Грегори.

– Какое счастье!

Дочь взяла у него деньги и после того, как мать закончила свои наставления насчет того, что она не должна специально пугать брата и маленькую сестру, отправилась с Адамом и Тео через лужайку к Дому с Привидениями.

– Она привыкнет, – сказала Джулия, беря мужа под руку.

– Посмотрим, – ответил Грегори, наблюдая за Сашей.

И они медленно направились в сторону парка развлечений, по дороге останавливаясь у различных стендов. Джулия обратила внимание на документы и фотографии на стенде мест-

¹⁹ Герой популярного фильма ужасов.

ного исторического общества и купила несколько брошюр «Сьерра-Клаб»²⁰, посвященных Аризоне. Толпа увеличилась – все, наблюдавшие за парадом, теперь смешались с толпами, которые бродили между павильонами, расставленными в парке и на парковке.

Джулия услышала, как кто-то упомянул стенд «Клуба наследия молокан», и они отправились на его поиски – Грегори сказал, что если бы его мать знала, что молокане тоже принимают участие, то она приползла бы сюда, несмотря на весь свой артрит. В этот момент человек, шедший перед ними, неуверенно сказал:

– Простите меня...

Грегори посмотрел на него и увидел грузного мужчину средних лет с густыми волосами на голове и жидкой козлиной бородкой.

– Грегори? – обратился к нему незнакомец.

Лицо мужчины показалось ему знакомым, и Грегори стал судорожно перебирать в уме портреты всех своих друзей и знакомых, чтобы определить, кто из его прошлых друзей превратился в человека, стоявшего сейчас перед ним.

– Пол? – неуверенно спросил он.

Мужчина заулыбался и протянул ему мозолистую руку для пожатия:

– Боже! Я так и подумал, что это ты. Как живешь, парень?

– Неплохо, – ответил Грегори, тоже улыбаясь. – Совсем неплохо. – Он обнял Джулию за плечи и слегка прижал к себе. – Это моя жена, Джулия. Джулия – это Пол Мэтьюз, мой лучший друг в подготовительной школе.

– В подготовительной? А как насчет начальной и средней?

– Мой лучший друг в Макгуэйне, – поправился Грегори. – Так лучше?

– Гораздо лучше.

– Привет, – кивнула Джулия.

– Рад познакомиться. – Улыбка не сходила с лица Пола. Он пожал Джулии руку.

– А мы только недавно сюда вернулись, – заметил Грегори.

– Врешь!

Джулия коснулась щеки Грегори и кивнула в сторону ряда стендов недалеко от них. Ее муж кивнул, и она отошла, улыбнувшись на прощание Полу.

– Я догоню тебя! – крикнул Грегори ей вслед.

Наступила неловкая пауза.

– Так ты женат...

– Трое детей.

– Мальчики? Девочки?

– Две девочки, один мальчик. Саше семнадцать, Адаму почти тринадцать, а Теодозии девять.

– Боже, как летит время, – покачал головой Пол.

– Да, – согласился Грегори. – И не говори. – Он посмотрел на мужчину перед собой, пытаясь увидеть в нем черты мальчишки, которого когда-то знал.

Приятно встречать старинных друзей, сказал он сам себе, но в этом есть что-то, приводящее в замешательство. Оба они были уже взрослыми, пожившими мужчинами средних лет, и тот факт, что их встреча произошла здесь, в Макгуэйне, говорил о том, что жизнь их прошла впустую и они ничего в ней не добились. Прожили эту жизнь бесцельно и бесполезно – и так и будут тащиться по ней до самой смерти. Эти мысли здорово расстроили Грегори.

Логика в этих рассуждениях не было никакой, и сами эти мысли были идиотскими, но тем не менее они пришли ему в голову, и он вдруг понял, что движется по воле волн с

²⁰ Клуб, основанный в 1892 г. Миссия – сохранение и защита дикой, неотравленной природы в Америке.

того самого момента, как выиграл в эту лотерею и прекратил работать. Он никогда не считал себя одним из тех, кого создала работа и кому, для того чтобы иметь смысл в жизни, она была необходима, однако сейчас он подумал, что, может быть, он не настолько независим и свободен, как ему это раньше казалось.

– А ты женат? – спросил Грегори.

Пол кивнул.

– Я ее знаю?

– Деанна.

– Деанна Эксли? – в шоке переспросил Грегори.

– В последних двух классах она здорово похудела. – В словах Пола слышалась попытка оправдаться.

– Прости, – сказал Грегори, рассмеявшись. – Прости меня.

– Все в порядке, – сухо улыбнулся Пол. – Разве я живу не для того, чтобы мои старые приятели надо мной подшучивали?

– Как в старые добрые времена, – заметил Грегори и оглянулся вокруг. – А где она?

– У матери в Финиксе. Я не очень лажу со своей тещей, поэтому отвожу к ней Деанну, она проводит там недельку или около того, а потом я ее забираю. И все счастливы.

– Никак не могу в это поверить, – покачал головой Грегори. – Деанна...

– А ты почему вернулся?

– Не знаю.

– Возвращение к истокам, нет?

– Да, наверное, – улыбнулся Грегори.

– Здесь трудно найти работу, – предупредил Пол. – Так что тебе придется побегать.

– Да она мне не нужна.

Брови его собеседника полезли на лоб.

– Только не говори мне, что у тебя есть постоянный доход.

– Я выиграл в Калифорнийскую лотерею.

– Не врешь?!

– Это не так уж здорово, как кажется на первый взгляд, – рассмеялся Грегори. – Победителей было трое, а выигрыш выплачивают в течение двадцати лет. Так что в год получается где-то тысяч восемьдесят.

– Восемьдесят тысяч в год? Да я в жизни столько не заработал!

Неожиданно Грегори смутился:

– Для Калифорнии это не очень много. Там жизнь гораздо дороже, чем здесь, и... – Он замолчал, не зная, что сказать.

– Здесь это громадные деньги. Ты станешь одним из самых важных и уважаемых жителей нашего города.

– Я бы не хотел об этом распространяться, – заметил Грегори.

– Вот это правильно! – Пол присвистнул. Лотерея. Восемьдесят штук в год, подумать только...

– А ты чем сейчас занимаешься? – откашлялся Грегори.

– У меня «Кафе Мокко Джо». – Пол указал на маленькое кафе, зажатое между салоном красоты и аптекой в группе зданий через дорогу. – Бублики, капучино, все такое...

– Кафе? – Грегори улыбнувшись, покачал головой. – А я думал, что все это осталось позади, в Калифорнии. Только не подумай ничего такого... – Он быстро взглянул на своего друга.

– Да я и не думаю, – хмыкнул Пол. – А что, их там действительно так много? – поинтересовался он с унылой улыбкой.

– Да на каждом углу.

– Мое в Макгуэйн единственное, а концы с концами все равно свожу с трудом.

Грегори взглянул через улицу на заведение. Все столики на тротуаре были заняты, а в само кафе стояла очередь.

– Никогда бы не подумал.

– Да, но такое только в этот уик-энд. А я не могу весь год жить на то, что заработаю за эти три дня. В остальное время года город похож на кладбище. Да и вообще Макгуэйн нельзя назвать городом почитателей мокко²¹, если ты меня понимаешь.

– Я тебя очень хорошо понимаю, – рассмеялся Грегори.

Они поговорили еще несколько минут, а потом Грегори решил отправиться на поиски жены.

– Я есть в телефонном справочнике, – сказал Пол. – Позвони.

– Обязательно, – пообещал Грегори. – Приятно было вновь увидеться.

К нему подбежали Адам и Тео. Вслед за ними медленно приблизилась Саша. Грегори представил их своему старому другу.

Адам коротко кивнул ему в знак приветствия и повернулся к отцу.

– И вовсе все не страшно! – сообщил он. – Ерунда какая-то.

– Нет, все-таки немного страшновато, – поправила его Тео, хотя по ее виду Грегори понял, что она здорово напугана.

– Шоу начнется через двадцать минут, – объявил Адам. – Нам надо поторопиться, если мы хотим занять хорошие места.

– Сначала надо найти маму, – сказал Грегори и помахал на прощание Полу.

Джулию они отыскивали около стенда молокан, и здесь Грегори увидел еще больше знакомых лиц, но ему ни с кем не хотелось общаться, так что шоу «Дикий Запад» оказалось хорошим предлогом для того, чтобы оторвать Джулию от молокан и отправиться через парк к трибунам.

²¹ Название сорта кофе, ставшее нарицательным.

II

Закончив, Джулия выключила пылесос и стала сматывать шнур. Они жили здесь уже две недели и за последние три дня почти закончили распаковываться. Так что с домом она уже успела хорошо познакомиться – с его границами, размерами, особенностями. Но теперь... теперь он казался совсем не таким, каким она увидела его в первый раз, когда вместе с Грегори осматривала его в присутствии агента по недвижимости. Дом оказался менее гостеприимен. В нем всегда царил полумрак, и хотя другие, казалось, этого не замечали, она видела это очень хорошо. Умом Джулия понимала причину этого: дом располагался под крутым склоном холма, который защищал его от утреннего солнца, а на запад выходило слишком мало окон, поэтому даже после полудня дом выглядел мрачновато. Она даже понимала, почему дом построили именно так: он был старым, и его проектировали еще до наступления эры кондиционеров, поэтому его владельцы старались как можно лучше защититься от палящих лучей солнца. Однако результатом всего этого было то, что дом казался ей странным и неудобным.

Зловещим.

Зловещий. Детское словечко. Джулия не понимала, почему именно оно пришло ей в голову, но к атмосфере дома оно подходило идеально. За последние две недели женщина не часто оставалась в одиночестве, но, когда это происходило, она ловила себя на том, что прислушивается к звукам, наполнявшим дом, осторожно заглядывает за углы и пугается теней. В их новом доме царила атмосфера предчувствия какой-то беды, которую она ощущала почти физически и которую остальные, по-видимому, не замечали.

Джулия отнесла пылесос в чулан. Скорее всего все это полная ерунда, результат стресса, вызванного переездом. Для ее нервной системы переезд из урбанистической Южной Калифорнии в деревенскую Аризону оказался настоящим ударом, и теперь она с трудом осваивается на новом месте, вот и всё.

Но у нее уже появились сомнения – правильно ли они сделали, приехав сюда, и хорошо ли начинать здесь новую жизнь.

Джулия прошла на кухню и налила себе стакан холодного чая из кувшина в холодильнике. Теперь, когда пылесос не работал, в доме стояла полная тишина, и она включила кассету с «Риппингтонс»²², чтобы в доме появились хоть какие-то звуки. Саша была у себя в комнате, как всегда погруженная в мечтания и полная жалости к себе самой, а свекровь прикорнула у себя. Грегори с Адамом и Тео отправились в салон видеопроката, чтобы взять какое-то кино на вечер. Телевизионный кабель им еще не подключили, а через антенну телевизор без слез не насмотришься. Джулия всегда относилась к категории родителей, которые осуждают телевидение, но оказалось, что сейчас, когда дети были его лишены, время они проводили все так же бездарно. Более того, если такое вообще было возможно, их занятия были еще тупее, чем раньше. Тео занималась тем, что без конца переодевала всех своих кукол Барби, Адам запоем читал комиксы о супергероях, а Саша, лежа на кровати, по сотому разу слушала один и тот же дурацкий рэп. Джулия вдруг поняла, что их дети за всю свою жизнь не прочли ни одной газеты, и теперь, без телевизора, они оказались полностью изолированными от внешнего мира.

Она будет просто счастлива, когда кабель наконец-то подсоединят.

Джулия вернулась в гостиную. На одной из ручек кушетки лежал последний вязальный проект ее свекрови – квадратный вязаный шерстяной платок. Один его угол свешивался на пол. Рядом, на кофейном столике, лежало несколько мотков шерсти.

²² Современная джазовая группа, основанная в 1986 г.

Как ни тяжело было Джулии это признавать, но мать Грегори начинала действовать ей на нервы. Старуха уже покритиковала Джулию за то, что та делает покупки в «Коппер-сити маркет», когда существует магазин «Фреш бай», в котором мясник – русский. Кроме того, она настаивала, чтобы Грегори покупал бензин на заправке Мохова, тогда как там он был на пять центов дороже, чем где бы то ни было, – и опять же потому, что заправка принадлежала русскому.

«Молоканская мафия» – так называл это Грегори, и это всегда очень сместило Джулию. Но сейчас она поняла, что Грегори совсем не шутил. Это была та, крайне неприятная, форма культурного расизма, то предубеждение, которое здорово влияло на их повседневную жизнь, а не просто какая-то отвлеченная вера в Бога, не подразумевающая никаких практических шагов. Ее родители тоже были молокане, но они не были настолько ортодоксальны в своей вере, не пытались исключить из своей жизни любое американское влияние и не ограничивали себя только границами русского окружения. Впрочем, они родились и выросли в Лос-Анджелесе, тогда как семья Грегори была из более изолированного сообщества и поэтому испытывала больший страх перед внешним миром. В этом также можно было увидеть элементы сегрегации и расового превосходства. Русские лучше, чем чужаки, поэтому бизнесмены и торговцы, принадлежащие к их общине, достойны большего доверия.

Грегори пытался объяснить матери, что бензин, который продает молоканин, не становится от этого святой водой и что принципы свободного рынка, регулирующие весь остальной мир, регулируют и торговлю бензином.

– Я покупаю бензин там, где он дешевле, – объяснял он матери. – И если он будет дешевле у Мохова, то я буду покупать у него.

Его матери это явно не понравилось, и на лице у нее появилось выражение резкого осуждения. С тех пор она стала неуступчивой – вежливой, но вечно сердитой, – и атмосфера в доме сильно накалилась.

Джулия вздохнула. Они с Грегори приняли осознанное решение попытаться ужиться с его матерью, уступать ей в спорах и не обращать внимания на разногласия и трудности для того, чтобы поддерживать в доме гармонию. Джулия никак не ожидала, что здесь могут возникнуть какие-то проблемы. Она всегда прекрасно общалась со своей свекровью и с нетерпением ждала, когда в семье появится еще один женский голос, который будет ее поддерживать. Но оказалось, что приезды на уик-энд и редкое общение по телефону сильно отличаются от жизни бок о бок в течение 24 часов в сутки. Конечно, какие-то проблемы были ожидаемы, ведь все они привыкли жить своей жизнью и сейчас пытались определить границы дозволенного и по-новому построить свою жизнь, – всем было понятно, что это займет какое-то время.

Сама Джулия тоже чувствовала себя потерянной и хотя после того, как оставила свою работу в библиотеке Доуни, часто говорила Грегори, что хочет написать книгу для детей, но так и не смогла претворить свои мечты в жизнь и сделать что-то конкретное, что приблизило бы ее к заветной цели. Сейчас она даже не была уверена, в самом ли деле хочет этого.

Все складывалось гораздо сложнее, чем ожидала Джулия. Может быть, ей стоит поработать в библиотеке города на общественных началах? Или, когда закончится лето, обратиться в подготовительную школу?

Раздался телефонный звонок, и она немедленно сняла трубку. Это была Дебби, и Джулия немедленно разулыбалась, услышав знакомое: «Жюль!» Она была так счастлива, что у нее еще остался кто-то в реальном мире, с кем она могла поговорить... Неожиданно Джулия осознала, насколько жалеет, что переехала в Аризону.

Дебби собиралась на закрытый просмотр нового фильма Стивена Спилберга. В субботу она прогуливалась по моллу²³ в Лейквуде, и интервьюер задал ей несколько вопросов. По-видимому, она подошла ему по возрасту и социальному положению, поэтому он вручил ей два билета на просмотр какого-то фильма. А когда она позвонила по телефону, чтобы подтвердить свое участие, то выяснилось, что это будет новый фильм Спилберга.

– Жаль, что тебя здесь нет, – сказала Дебби. – Мне не с кем идти. Джон отказался, и теперь мне придется загнать второй билет.

– Мне бы тоже хотелось быть сейчас с тобой, – согласилась Джулия.

Они поболтали еще минут пятнадцать-двадцать, прежде чем Дебби сказала, что ей пора в сад за Терезой.

Джулия с сожалением повесила трубку. После ее разговора с подружкой дом показался ей еще темнее, чем обычно, и хотя и Саша, и свекровь были у себя в комнатах, дом выглядел совершенно пустынным. Длинный бледный солнечный луч упал на платок, и это почему-то вызвало у нее мурашки на руках.

Мороз по коже.

Ей показалось, что на улице она заметила маленькую тень. Наверное, Тео. Грегори с детьми вернулся! Радуюсь их возвращению, Джулия подошла к окну и выглянула наружу. Парковка перед домом была пуста, и на улице не было видно никаких признаков их фургона.

На кухне продолжали звучать «Риппингтонс», но в доме все-таки было слишком тихо, и она решила пойти к Саше и разбудить дочь, чтобы сказать ей, что она должна помогать матери с домашними делами, например с уборкой в доме.

Она просто не хотела оставаться в одиночестве...

Глупо. Она опять глупо себя ведет. Тревога, которую она испытывает, не имеет никакого отношения к самому дому, это просто один из результатов культурного шока – совершенно естественная физиологическая реакция. В доме нет ничего страшного, пугающего или необычного.

Но Джулия никак не могла подчинить свои страхи логике. Они относились скорее к области ощущений, а не мыслей, и не поддавались рациональной аргументации, поэтому ей хотелось, чтобы или проснулась ее свекровь, или чтобы вниз спустилась Саша.

Джулия подумала о маленькой тени за окном.

Dedushka Domovedushka.

Хоть она и не хотела в этом признаваться, но испуг ее свекрови от того, что они забыли пригласить с собой Главного в Доме, подействовал и на нее. Джулия знала, что все это простое невежество и что она не должна позволять себе попасть под влияние этого суеверия, но, несмотря на все ее свободомыслие, логику и современность, где-то в глубине души она все еще верила. Она не очень хорошо знала именно эту легенду, но помнила, что *Dedushka Domovedushka* должен был их защищать. Он был защитником семьи от всего сверхъестественного, что могло попытаться повлиять на их жизнь.

Мать Грегори была сильно расстроена с того самого момента, как узнала, что они не пригласили его с собой, и, может быть, ее раздражительность объяснялась отчасти и этим. С того самого момента, как они приехали в Макгуэйн, свекровь молилась все больше и все чаще вела беседы о божественном. И хотя было видно, что это ее успокаивает, Джулия чувствовала себя не в своей тарелке и сильно раздражалась. Все эти разговоры о невидимом мире, сверхъестественном, религиозном выбивали ее из колеи. Кроме того, все эти разговоры не давали ей забыть о своих страхах. Как это ни покажется странным, сейчас она была вынуждена признать, что чувствовала бы себя намного лучше, если б они *пригласили* Глав-

²³ Молл – галерея магазинов.

ного в Доме с собой и если бы у них была какая-то защита от всех призраков и демонов... или что там еще существует...

Из кухни донесся звук удара и звон разбившейся посуды. Джулия вздрогнула от неожиданности, и ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Затаив дыхание, она бросилась к двери, ожидая – скорее даже *надеясь*, – что вот сейчас она увидит свою свекровь, которая столкнула одну из еще не распакованных коробок с посудой...

На полу валялась перевернутая коробка. Весь линолеум был засыпан осколками стекла и фарфора.

Но рядом никого не было.

Джулия вся похолодела. Она внимательно осмотрела полутемную кухню, остановилась взглядом на закрытой и запертой двери на улицу и не заметила ничего необычного.

– Джулия! – послышался голос матери Грегори из ее комнаты. – Всё в порядке?

– Да, всё в порядке! – крикнула она в ответ, радуясь, что в доме есть еще кто-то живой.

Джулия прошла на кухню и наклонилась над перевернутой коробкой. Внутри находилось еще много посуды, большая часть которой, благодарение богу, не пострадала. Наверное, она поставила коробку на стойку рядом с холодильником и та просто съехала от вибрации...

Нет, она хорошо помнит, как во время завтрака видела ее на столе на другом конце комнаты.

Это совершенно невозможно.

Джулия открыла шкаф под мойкой и, достав оттуда пластиковый мешок для мусора, стала собирать в него осколки. Одновременно посмотрела на стойку. Скорее всего она поставила на нее коробку и просто забыла об этом. А поставила она ее очень близко к краю, вот та и свалилась...

Джулия попыталась представить себе траекторию падения. Да, подумала она. Именно это скорее всего и произошло.

Но она так и не смогла заставить себя в это поверить.

III

Ни Бабуне, ни Адаму бануа не понравилась. В этом отдельно стоящем маленьком домике было что-то, что заставляло мальчика нервничать. Но в то же время это же ощущение влекло его к данной постройке – именно поэтому в последние две недели он возвращался к бануа вновь и вновь. Подняв глаза от сброшенной змеиной шкуры, которую он изучал, Адам посмотрел на дом, чтобы убедиться, что Тео вошла внутрь, и, убедившись в этом, бросился прочь, вокруг автомобильной стоянки и развесистого виргинского тополя. Последнее время сестра просто не отлипала от него, и, хотя он не имел ничего против, так как ни один из них не успел еще завести себе новых друзей, через какое-то время это стало его доставать. Иногда ему хотелось побыть в одиночестве.

Кроме того, ему хотелось одному посетить бануа.

Адам нырнул под ветку дерева и направился по тропинке, которая шла между высокими высохшими сорняками. Их двор был просто огромен, и бануа была совсем не видна от дома. Она одиноко возвышалась на другом конце земельного участка, почти скрытая изгибом холма, и, чтобы попасть в нее, надо было пройти мимо небольшой рощицы деревьев паловерде и кучи крупных булыжников. За бануа в зарослях сорняков виднелся бетонный фундамент сгоревшего дома, все пустоты низких сгоревших стен которого были заполнены почерневшими кусками дерева.

Они с Бабуней первыми пошли в бануа на второй день после приезда и сразу же почувствовали мгновенное отторжение. Бабуня споткнулась, как только переступила через порог, и ей пришлось опереться на стену, чтобы не упасть. Она мгновенно развернулась и вышла из строения. Женщина сильно задыхалась, но, когда Адам вышел вслед за ней, чтобы спросить в чем дело, махнула ему рукой и сказала, что всё в порядке.

Однако это было совсем не так. Войдя внутрь, Адам тоже ощутил непонятную давящую атмосферу, и это ощущение никак не было связано с темнотой, которая царила в помещении, и запахами плесени и зацветшего грибка, которые его заполняли. Это было странное гадливое чувство, не имевшее ничего общего с реальностью.

Его это испугало, но он любил, когда было страшно, поэтому, как только Бабуня сказала ему, что с ней все в порядке, Адам вернулся в помещение и продолжил осмотр.

После этого он возвращался туда еще несколько раз.

Сейчас Адам прошел под тонкими зелеными ветвями паловерде и по слегка наклонной лужайке направился в сторону купальни, ощущая знакомый холодок внизу живота.

Очевидно, бануа была заброшена уже много лет – сорняки, росшие вокруг нее, были высотой почти до верхней притолоки, однако внутри помещения не было никакой паутины, которую он рассчитывал там увидеть. Никаких насекомых внутри тоже не было, и, хотя обычно такие вещи не приходили ему в голову, на этот раз зловещее отсутствие живности обратило на себя его внимание. Создавалось впечатление, что даже насекомые боялись этого места, и для Адама это было лишним подтверждением его необычности и привлекательности.

Он бывал в бануа уже много раз, но никогда ни до чего не дотрагивался, поэтому все выглядело точно так же, как и в первый день. Мальчик на секунду остановился на пороге, заглядывая внутрь. На грубом деревянном полу валялись какие-то кости. Не скелеты, а именно отдельные кости, хотя впечатление они производили не меньшее. Было видно, что это кости не птицы и не коровы, а какие-то другие – койота или поросенка-пекари, крысы или кролика, домашних животных или свиней, а одна походила на бедренную кость ребенка.

Именно эта кость заинтересовала его больше всего. В прошлом году в школе они проходили человеческий скелет, и она сразу же бросилась ему в глаза. Она действительно выгля-

дела как маленькая бедренная кость, и каждый раз, когда Адам входил в помещение, его взгляд останавливался именно на ней.

Сейчас произошло то же самое – согнувшись, он наклонился над костью и попытался представить себе, откуда она могла здесь взяться. При этом мальчик испытал совершенно восхитительное чувство страха.

Но кость была только затравкой.

Адам выпрямился и повернулся.

В конце помещения находилась вещь, которая действительно сильно пугала его, вещь, которая заставила его в самый первый день спрятать лицо в руках Бабуни и с тех пор все время являлась ему в ночных кошмарах. Именно эта вещь заставила его нарушить данное Бабуне обещание никогда не заходить в бануа одному.

Тень.

Она висела на противоположной стене, над обломками скамеек, и была невероятно живой. Походила она на изображение мужчины в профиль. Русского, с выпирающим животом и бородой до пояса.

И это было не просто пятно или выцветшее место, не нечто, отпечатавшееся на стене, а именно настоящая тень. В ней было нечто от иллюзорности, которая обычно отличает выцветшую копию от оригинала.

Вот только оригинала нигде не было.

Ни в самом помещении, ни в прямой видимости от двери не было ни одного объекта, который мог бы отбрасывать подобную тень. Казалось, она существует вопреки всем законам физики, и Адам не переставал о ней думать, пытаясь сопоставить ее контуры со всем, начиная с сорняков за дверью и кончая деревянными стропилами в самом помещении, но ничего не подходило. Независимо от того, светило ли яркое солнце или небо было закрыто облаками, тень всегда была на месте с неизменными и четкими контурами. И еще одно – это явно было не случайное совпадение, не случайное наложение различных образов, которое в результате дало сходство с мужчиной; напротив, это было четкое изображение, которое невозможно было принять ни за что другое, кроме как за мужскую фигуру.

В самом контуре было какое-то предчувствие беды, а в этой грузной фигуре – что-то суровое и непреклонное, особенно в том, как неестественно прямо держалась голова мужчины. Во всем этом была какая-то угроза, которая вкупе с неизвестным происхождением самого изображения наполняло помещение бануа ужасом.

Собравшись с духом, Адам поднял глаза. Он увидел густые брови и не менее густую бороду, и ему пришлось приложить серьезные усилия для того, чтобы не отвернуться. Сердце его бешено колотилось, и мальчик неожиданно почувствовал холод. Пока он смотрел на тень, она как будто стала глубже, а воздух бануа сгустился вокруг нее, и на какую-то секунду мальчику показалось, что изображение стало трехмерным.

А еще ему показалось, что он услышал вздох и какой-то шепот, поэтому с зашкаливающим пульсом вылетел из помещения на солнечный свет и с максимальной скоростью полетел вперед, не останавливаясь до тех пор, пока не добежал до паловерде.

Так долго Адам еще не находился в бануа никогда, и его переполняло чувство гордости. Он становится все смелее. Раньше мгновенно вылетал из дверей, не успев поднять глаза на тень, а на этот раз заставил себя смотреть на нее какое-то время, прежде чем убежать...

Адам поежился, вспомнив вид тени и шепот, и быстро направился в сторону дома.

В следующий раз он возьмет у Саши часы и засечет время, а потом с каждым разом будет стараться оставаться внутри чуть дольше.

Мальчик замедлил шаги и оглянулся, но бануа уже не было видно за булыжниками и деревьями. Даже если бы это не было так страшно, он все равно не мог представить себе, как заходит туда голый и сидит там вместе с остальными, похлопывая себя ветвями дере-

вьев. Часть его возмущалась самой возможностью иметь хоть какое-то отношение к людям, ведущим себя таким образом.

Но в этом не было ничего нового.

Он часто смущался своего происхождения.

В прошлом году у них в классе устроили День этнической гордости, и это был сплошной кошмар.

Все они должны были рассказать своим одноклассникам о традициях и культуре своей семьи, о ее национальной одежде, блюдах, языке и так далее, поэтому Адам и принес в школу немного борща, который приготовила его мама. Миссис Андерс начала с того, что стала настаивать, чтобы он произносил «борстч», точно так, как слово писалось, а не проглатывал букву «т». И не важно, что именно он произносил это слово правильно, она ни в какую не соглашалась отказаться от своего варианта произношения. У Адама было такое ощущение, что она пытается поправить его, как будто он употребляет неправильное слово, и это заставляло его смущаться все больше и больше. Как будто она делала из него посмешище, чего никогда не позволяла себе в отношении Ви Фана, или Джорджа Саатьяна, или других мальчиков из их класса.

В тот день он раздал всем деревянные ложки, налил всем по чуть-чуть борща и, пока класс ел, приготовился рассказывать об истории молокан, о том, что они делают и во что верят. Он смог рассказать большую часть из того, что планировал, но был слишком смущен, чтобы заговорить о пацифизме. Пацифизм был основой основ религии молокан – это Бабуня вдолбила ему в самом детстве, но он стыдился в этом признаться. Глубоко в душе Адам честно верил в некоторые из молоканских принципов – но в то же время не хотел в них верить. Бабуня всегда говорила ему, что убийство в природе человека, что Каин, первый человек в Библии, первый, который получился в результате союза мужчины и женщины, а не созданный Богом, убил своего брата. Это было преступным актом, но, совершив его, Каин был отмечен Богом, который защитил его от людского правосудия, – по словам Бабуни, это показывало не только милосердие и всепрощение божие, но и то, что Всевышний не хочет, чтобы люди судили друг друга. Что Он запрещает месть и что только Он один может назначать наказание. Такой взгляд запрещал жестокость, войну, смертную казнь, поэтому молокане очень серьезно относились к своему пацифизму. Из-за этого им пришлось покинуть свою родину, и из-за этого они отказывались воевать в армии США.

Все это было очень здорово, особенно когда он лежал в постели в пижаме, а Бабуня на ночь рассказывала ему истории из Библии, и он во все это верил. Но в школе все это оказывалось не только не важным, но и вызывало определенные затруднения. Оказалось, что невозможно не давать сдачи тем, кто бьет тебя, и Адам неоднократно желал Джейсону Агилару, Говину Джефферсону или Тичу Сэйлсу смерти. Черт, если б он не бросил молиться, то помолился бы за то, чтобы Господь Бог уничтожил их. Но молиться Адам бросил несколько лет назад. Мальчик не мог точно сказать, почему это произошло, но в какой-то момент он стал чувствовать себя идиотом, складывая перед собою руки и умоляя Господа о его милостях.

Но Бабуне он в этом ни за что не признается.

Все дело было в том, что он не знал, действительно ли он молоканин.

Его семья уже давно не ходила в молитвенный дом, а когда ходила – он тогда был совсем маленьким, – то это была Пресвитерианская церковь в Норфолке.

Его родители не учили его русскому языку, и он знал, что Бабуня этим очень недовольна. По-русски он знал всего несколько слов: *rupok*, *zhopa*, *babunya*, *konfeta*, – но так и не запомнил короткую русскую молитву, которую, когда он был младше, Бабуня заставляла его произносить каждый День благодарения. Но сейчас даже Бабуня говорила по-русски реже, чем раньше. Вот когда он был маленьким, его родители и бабушка говорили по-русски все

время, особенно когда не хотели, чтобы он их понял. Когда папа говорил с Бабуней по телефону, то случалось, что он говорил только по-русски. Но времена меняются, и теперь они говорили почти всегда только по-английски.

Адам миновал тополь и повернул к фасаду дома. Его мать, отец и Бабуня сидели на ступеньках лестницы – папа читал газету, мама – журнал, а Бабуня вязала крючком. Рядом Тео играла со своей Барби. Грохот рэпа, доносившийся из окна на втором этаже, говорил о том, что Саша у себя в комнате.

Адам собирался осмотреть передний двор в поисках змеиной кожи, которую змеи сбрасывают во время линьки, но сама мысль о том, что все это будет происходить на глазах у остального семейства, заставила его поперхнуться, и он понял, что надо куда-то смаковать. Его старик может пытаться «погрузить всех в эту тихую семейную атмосферу маленького заштатного городишки», но ему надо не забывать о потенциальной возможности того, что мимо ворот как раз в этот момент может пройти его будущий друг. А вид семьи, члены которой ведут себя как участники ток-шоу «Клуб 700»²⁴, может положить конец так и не начавшейся дружбе. Адаму не хотелось позориться.

Хуже не придумаешь, чем тусоваться с собственными предками.

Мальчик подошел к ступеням, взялся за перила и посмотрел на отца.

– Можно прогуляться до магазина? – спросил он.

– До какого?

– А что, это так важно? Оба они расположены по соседству друг с другом.

– А зачем? – поинтересовалась мама.

– Ни фиги себе! Меня что, будут теперь подвергать допросу третьей степени каждый раз, когда я захочу выйти за ворота? Вы же разрешали мне с Роберто ходить куда угодно. И это в Калифорнии. А в этом занюханном городишке мне что, нельзя просто прогуляться по улице?

– Хорошо, – улыбнулся отец и посмотрел на маму: – Чем ему еще заняться?

– Чтобы вернулся через сорок пять минут, – велела она.

Адам кивнул и бросился бежать прежде, чем Тео сказала, что она тоже хочет прогуляться.

И в магазине он встретил своего нового друга.

Все произошло абсолютно случайно. Адам стоял у стойки с комиксами и рассматривал последние приключения Человека-паука, когда сопровождаемый звуком дверного колокольчика в магазинчик вошел мальчик приблизительно одного с ним возраста. Адам поднял глаза, увидел мальчика с длинноватыми волосами, в вылинявших джинсах и в майке с фото «Смэшинг Пампкинз»²⁵ и равнодушно вернулся к своей книге.

Мальчик сказал что-то продавцу и подошел к тому месту, где стоял Адам. Тот отступил на шаг, и мальчик повернул стойку с книгами.

– А где здесь «Супермен»? – спросил он, повернувшись в сторону прилавка. – Мне нужен сентябрьский номер «Супермена».

– Прошу прощения, но все распродано, – ответил продавец.

– Но вы же обещали сообщить мне, когда он появится.

– Извините, слишком много работы.

– Черт...

– У меня есть этот номер, – вступил в разговор Адам.

– Правда? – Мальчик впервые взглянул на него.

– Правда.

²⁴ Популярное телевизионное ток-шоу, во время которого обсуждаются вопросы религии, в частности христианства.

²⁵ Американская альтернативная рок-группа, основанная в Чикаго в 1988 г.

- А ты кто?
- Мы только что переехали. Меня зовут Адам.
- Любишь комиксы? – спросил мальчик, поразмышляв немного.
- Да нет, смотрю в них просто для здоровья.
- Поклонник Супермена? – улыбнулся мальчик.
- В основном Человека-паука. Но этот мне тоже нравится.
- Мне тоже, – кивнул мальчик. – Я – Скотт.

Сначала они стеснялись друг друга. Адаму уже не так легко было знакомиться, как раньше, когда в парке или на пляже он каждый день заводил себе нового друга. Раньше он мог никогда его не видеть, но на несколько часов они становились с ним не разлей вода. Казалось, что Скотт тоже колеблется и не знает, что делать дальше, как постепенно приблизиться к той границе, за которой начинается дружба, и не показаться при этом полным идиотом.

И в этом они тоже были схожи.

Но к тому моменту, когда они подошли к стенду с коллекционными открытками, который располагался рядом со сладостями, они уже говорили без умолку: Адам рассказывал о жизни в большом городе, а Скотт объяснял ему, как невыносима может быть жизнь в такой дыре, как Макгуэйн, если только ты не станешь, по терминологии самого Скотта, «настоящим горным козлом».

Как и Адам, Скотт должен был идти в седьмой класс. После магазина он провел его мимо школы, чтобы «разведать обстановку». Школа оказалась больше, чем ожидал Адам, и современнее большинства зданий в городе. Они подошли к фонтанчику с питьевой водой рядом с теннисным кортом, и Адам попил, а Скотт, достав ручку, написал что-то на коричневой штукатурке над фонтанчиком. Вытирая рот, Адам увидел слово «Pussy²⁶», написанное на стене, и стрелку, указывающую на фонтанчик, из которого он только что пил.

Скотт весело расхохотался.

Они обошли вокруг пустующей школы, пытаясь угадать, где будет располагаться их класс и где они смогут устроить свое убежище, чтобы до них не могли добраться восьми- и девятиклассники. Потом они прошли напрямик через поле на Туркуоз-авеню, и Адам пригласил своего нового друга к себе домой, подумав, что сможет показать ему бауа, но Скотт сказал, что он должен был быть дома еще час назад, так что ему лучше поторопиться, пока не влетело от матери.

- А ты где живешь? – спросил Скотт.
- Ор-роуд, дом двадцать один.
- И на что похож твой дом?
- Не знаю, – пожал плечами Адам. – Деревянный. Двухэтажный. Расположен в глубине участка. За ним, с правой стороны, расположен холм, и он, кажется, тоже нам принадлежит.
- Так это что, старая халупа Мегана? – Глаза Скотта расширились.
- Вроде бы мой старик называл ее так пару раз.
- Классно! Завтра я к тебе приду. Вы во сколько встаете и завтракаете?
- Я? Рано.
- А предки?
- Где-то часов в девять.
- В девять я у тебя. – Скотт направился вниз по улице и помахал рукой. – Да, и не забудь про того «Супермена».
- Не забуду! – крикнул в ответ Адам.

Домой он отправился в хорошем настроении. Теперь у него есть друг, и мальчик чувствовал себя так, как будто у него гора свалилась с плеч. Он уже начал бояться, что ему при-

²⁶ Женский половой орган (англ.) – табуированная лексика.

дется идти в школу «на новенького», вообще никого там не зная, и он радовался, что у него появился приятель.

Скотт выглядел классным парнем.

Может быть, в Макгуэйн будет не так уж и плохо.

Было уже поздно, и по высоте солнца над горизонтом и теням в каньоне Адам понял, что прошло гораздо больше сорока пяти минут. Он знал, что мама будет злиться, а так как ему не хотелось оставаться без гуляния, он перешел на легкий бег. От магазина они повернули к школе, и, хотя Адам еще не очень хорошо знал город, ему показалось, что он вполне может пересечь несколько улиц, срезать путь у холма за их домом и появиться дома чуть быстрее, чем если пойдет старой дорогой.

Он бежал по незнакомым улицам, ориентируясь по скалам и холмам, и наконец действительно оказался на узкой грунтовой дорожке, которая вела к их участку.

Вауа.

Адам знал, что ему придется пробежать мимо нее, и знал, что увидит ее в сумерках заканчивающегося дня, но не позволял себе думать об этом, концентрируясь вместо этого на необходимости как можно скорее попасть домой.

Теперь же, когда его путь пролегал между метелками фукьерий и громадными булыжниками, он не мог избавиться от этих мыслей.

И неожиданно он ее увидел.

Адам приближался к строению сзади, оттуда, куда еще никогда не ходил, и видел ее под тем углом, под которым никогда не видел прежде. Как он и ожидал, вауа стояла в тени, рядом с руинами дома, тогда как верхушки деревьев над ней были все еще освещены солнцем.

Он подумал, что внутри ее должно быть уже темно, как ночью.

Стена прямо перед ним была стеной, противоположной входу, как раз той, на которой была тень, и Адам постарался увеличить скорость и не смотреть в ее сторону, чувствуя, как все внутри у него заledenело.

Однако он не смог не посмотреть на нее.

Вауа стояла, и в ее дверном проеме была тьма.

Она ждала.

Дрожа от страха, мальчик пролетел мимо нее и пересек громадный двор, направляясь прямо к дому. Бабуня на кухне резала овощи, и, когда он вошел через черный ход, они обменялись взглядами. Через окно она видела, откуда появился Адам, но, хотя на ее лице было написано осуждение, она не сказала ни слова. Он знал, что она чувствует себя виноватой, потому что не благословила вауа, прежде чем войти туда, и ничего не предприняла, чтобы освободить ее от злых духов, и теперь считала себя ответственной за то, что вауа была такой, какой она была.

Адам не раз говорил сам себе, что ни во что это он не верит. А вот Бабуня верила, и это ужасало его. И в то же время это делало все происходящее более серьезным в его глазах, и его пробег мимо вауа казался ему уже не игрой, а зловещим происшествием.

— Я туда не заходил, — сказал он в ответ на взгляд Бабуни. — Я просто вернулся той дорогой. Срезал угол.

Бабуня ничего не сказала и продолжила резать овощи.

Адам прошел в гостиную, где Тео смотрела телевизор, лежа на полу. На ковре перед ней лежала открытая книжка. Родителей не было, и он был этому очень рад. Они не видели, как он вошел, и это, вероятно, спасет его от лишения прогулок.

Бросившись на пол рядом с Тео, он толкнул ее локтем. Она вскрикнула и ударила его.

Адам бросил взгляд на ее книжку. «Волшебные сказки Ширли Темпл»²⁷. Вначале книга принадлежала его маме, потом перешла к Саше, от нее к нему, а потом уже к Тео. Он помнил, что в середине книги был рисунок на две страницы, на котором был изображен Румпельштильцхен, карлик-шут с коварным и злым лицом. Адаму пришло в голову, что именно так должен выглядеть *Dedushka Domovedushka*.

В ту ночь Румпельштильцхен приснился ему. Это был первый кошмар, который приснился ему в новом доме. В этом кошмаре голый карлик сидел в бане в облаке пара, а тень возвышалась над ним. Карлик бил себя ветками деревьев и скалился.

²⁷ Ширли Темпл (1928–2014) – известная голливудская актриса, исполнительница детских ролей, самая юная обладательница «Оскара» (1934).

Глава 4

I

Грегори вместе с матерью шел к молоканскому молельному дому.

Она ждала этого с самого первого дня, когда они приехали, но все складывалось настолько хаотично, они настолько были заняты распаковкой вещей, расстановкой мебели и приведением хоть в какой-то порядок давно заброшенного двора, что у сына физически не было времени привезти ее сюда.

Однако сегодня она это потребовала, и ему пришлось подчиниться – и вот теперь они вдвоем стояли на грунтовой парковке перед молельным домом. Мать тяжело опиралась на его руку. Грегори хотел подвезти ее прямо к входу, но она настояла на том, чтобы пройти весь путь пешком, прямо как в старые добрые времена. И хотя им потребовалось больше сорока минут, чтобы добраться сюда, делая по дороге частые остановки для отдыха, наконец-то они были здесь.

Грегори посмотрел на окружающие его здания: на галантерейный магазин, с которого начинался целый квартал других магазинчиков и контор с левой стороны от церкви, и на отделанный деревом дом справа, который сейчас превратили в ясли. Потом, когда они подошли ближе, он посмотрел на сам молельный дом. Грегори думал, что лучше помнит это место – в конце концов, его семья провела здесь немало времени, – но скорее всего он давно постарался все это забыть. Дом не показался ему более знакомым, чем шахтоуправление или здание муниципалитета, или любое другое здание, которое он видел, будучи ребенком, но к которому не имел прямого отношения. Конечно, он узнал его, но это было беспристрастное, равнодушное узнавание, которое противоречило тем личным отношениям, сложившимся у него с этим зданием.

Поднявшись по трем невысоким ступеням, они вошли внутрь. Как и молельный дом в Восточном Лос-Анджелесе, здание было очень простым. Деревянное строение с одним большим залом и крохотной кухонькой, притулившейся рядом. Около одной из стен были сложены скамейки, и какой-то старик с белой бородой до пояса подметал деревянный пол.

– Яков? – спросила его мать, останавливаясь. Она прищурилась: – Яков Иванович?

– Агафья? – расплылся в широкой улыбке старик.

Они заковыляли навстречу друг другу и встретились почти в самой середине зала, где и обнялись крепко, по-медвежьи. Грегори улыбнулся. Сам он старика не узнал, но мать узнала, и было видно, что встреча доставила ей удовольствие. Такой счастливой он не видел ее с тех пор, как они уехали из Калифорнии.

– Григорий, – обратилась она к нему по-русски, – ты, наверное, не помнишь, но это Яков Петровин, наш старый проповедник. – Тут она хихикнула, как девчонка. – И мой бывший ухажер, еще до твоего папы.

Проповедник кивнул и продемонстрировал подобие улыбки – борода закрывала лицо, и его выражения было не разглядеть. Грегори стоял перед ним, продолжая бессмысленно улыбаться. Он растерялся и не знал, что сказать или сделать. Это было совсем по-детски, но он неожиданно почувствовал к старику какую-то антипатию. В его глазах тот был соперником его отца. Проповедник был очень древним и практически стоял на краю могилы, но для Грегори было бы предательством принять этого человека и испытать по отношению к нему какие-то положительные чувства. Он подумал о том, как по-девчачьи засмеялась его мать – такого смеха он никогда от нее не слышал; это был смех из прошлого, из того времени, когда его самого еще не было на свете. И тут ему пришло в голову, как много он еще не знает о

своей матери. От него были скрыты целые периоды ее жизни, огромные куски ее личности, которые были ему абсолютно неизвестны.

И впервые в жизни Грегори понял, что не знает своей матери.

– Яков приехал в Макгуэйн следом за нашей семьей, – сказала мать. – Он все надеялся отвоювать меня.

– Мне не повезло, – кивнул проповедник, – но такая надежда была.

Грегори не хотел слышать их воспоминания.

– Вам надо о многом поговорить. – Неожиданно он почувствовал, как грубо звучит его русский и как долго он на нем не говорил больше пары слов за раз. – Я прогуляюсь по городу, а через часок вернусь и заберу тебя.

– Буду тебя ждать, – кивнула мать.

Она улыбнулась ему и помахала рукой, а он вышел из церкви, пересек грунтовую стоянку и оказался на улице. И опять почувствовал себя запутавшимся и сбитым с толку ребенком. Он понимал, что все это глупо и что между матерью и этим человеком ничего нет, а если что-то и было, то его мать имеет полное право опять почувствовать нежные чувства после стольких лет, прошедших со дня смерти его отца, – но все равно был не в своей тарелке. Тот факт, что его мать знала проповедника до того, как узнала его отца, был просто фактом и не более того, однако у него почему-то создалось впечатление, что именно этот старик был единственной любовью всей ее жизни, а его отец и ее муж – временным препятствием, возникшим у нее на пути. Глупая и совсем незрелая мысль, но тем не менее она пришла к нему в голову, да так, что ему приходилось напрягаться, чтобы прогнать ее и объективно оценить происходящее.

Грегори направился в сторону центра города и торговой улицы. Ему то ли не хватало времени, то ли было просто лень появиться здесь раньше, поэтому, несмотря на регулярные поездки в продовольственный магазин, первый и последний раз он был здесь в первый после приезда уик-энд во время празднования Дней Меди.

Толпы людей исчезли, тротуары были пусты, и только припаркованные машины да изредка проезжавшие по дороге пикапы или дребезжащий «Форд» говорили о том, что это место еще не окончательно превратилось в город-призрак.

Он шел по разбитому тротуару и рассматривал витрины магазинов – какие-то были открыты, другие закрыты, – которые смотрели на улицу, располагаясь на первых этажах каменных и кирпичных зданий. Букинистический магазин, антикварный, ломбард, ювелирный, мастерская по ремонту обуви, аптека...

В середине квартала, между мастерской и магазином ковбойской одежды, он наткнулся на узкое здание без окон и с темным открытым проходом.

Бар.

Грегори остановился.

Это был тот же бар, мимо которого они с родителями проходили много лет назад, направляясь на молитву.

На секунду он заколебался, прежде чем войти внутрь.

Грегори так и не смог понять, кого он ожидал там увидеть. Враждебно настроенных ковбоев-батраков, сидящих за стойкой? Тех же самых мужчин, которые оскорбляли его отца много лет назад, только постаревших? Он не был в этом уверен, но, когда входил в дверь, его мускулы напряглись.

Ему не к чему было беспокоиться. Бар не выглядел ни угрожающе, ни пугающе. Это была типичная заштатная таверна в маленьком городке. В плохо освещенном заведении находилось всего несколько посетителей: пара сидела в дальнем углу за стойкой и двое помощников шерифа в форме за маленьким столиком.

А еще в нем был Пол.

Его друг сидел на стуле прямо перед кассой рядом с каким-то стариком. Увидев Грегори, он окликнул его по имени и помахал ему рукой.

– Привет, – поздоровался Грегори, подходя. Он присел на стоявший рядом стул. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Я провожу здесь большую часть своего времени, – ухмыльнулся Пол. – Люблю места, где все называют меня по имени. Пиво для моего друга, – позвал он бармена.

– Нет, спасибо, – покачал головой Грегори. – Для меня немного рановато.

– Так ведь уже десять часов.

– Кофе, – сделал заказ Грегори, улыбнувшись.

Пол повернулся к старику, сидевшему рядом, и кивком указал на Грегори:

– Это Грегори Томасов, мой лучший друг с... черт, с детского сада и до окончания школы. Он только что вернулся в город.

Старик повернулся и протянул Грегори высохшую руку.

– Привет. Меня зовут Одд Моррисон.

– Необычное²⁸ имя, – улыбнулся Грегори.

– А мне об этом раньше не говорили, – сухо ответил мужчина.

Грегори рассмеялся.

– Одд – моя правая рука, – пояснил Пол. – Водопроводчик, строитель, каменщик и человек, который может починить все, что угодно.

– Понял, – сказал Грегори. – Он выполняет *разную* работу.

– А вы остряк, – сказал старик и отхлебнул пиво. – Или хотите таким казаться.

– Он не любит людей, которые смеются над его именем. Особенно чужаков.

Грегори густо покраснел:

– Простите. Я совсем не это имел в виду. Я просто...

Пол с Оддом расхохотались.

– Узнаю старину Грегори, – заметил Пол. – Все еще боится кого-нибудь обидеть. – Он несколько раз хлопнул рукой по барной стойке. – Да обижай ты его сколько хочешь, ему это по барабану.

– До тех пор, пока я могу в ответ обижать тебя, – добавил старик.

Бармен принес чашку кофе. Грегори поблагодарил его, а Пол постучал пальцем по стойке: запиши, мол, на меня.

Грегори отпил глоток. Совсем не плохо.

– Кстати, все хочу тебя спросить, – сказал он, – разве ты не должен сейчас быть у себя в кафе?

– А тинейджеры на что? – отмахнулся Пол от вопроса. – Да и потом, там сейчас мертвая тишина. Те немногие клиенты, которые у нас есть, появляются или до работы, или в обеденный перерыв. А вот поздним утром в заведение мало кто заходит.

– А по вечерам?

– Да по-разному, – пожал плечами Пол.

Одд приподнял одну бровь.

– В общем, бизнес – полный отстой, – подвел итог Пол. – А знаешь, я ведь хотел открыть магазин здоровой пищи...

– И фреш-бар²⁹? В Калифорнии это сейчас очень популярно.

– Нет, только магазин здоровой пищи. Но это тоже жуткий депрессняк. Когда стал вспоминать все магазины здоровой пищи, в которых был, я вдруг понял, что не видел в них ни одного здорового покупателя. Это или худые и уродливые извращенцы, или умирающие ста-

²⁸ Здесь автор обыгрывает значение имени «Одд». В английском языке «odd» значит необычный, странный, разный.

²⁹ Бар, в котором подают свежевыжатые соки.

рики в поисках последнего волшебного средства от старости. *Здоровые* люди не едят здоровой пищи. Поэтому я открыл кафе. – Пол покачал головой. – Я просто надеялся, что это будет интереснее, чем это оказалось на самом деле.

– И более успешно, – подчеркнул Одд.

– Ну и более успешно, – согласился Пол. Он отхлебнул пива. – Давай больше не будем об этом. А то это вгоняет меня в депрессию.

– Хорошо, – согласился Грегори. – А что стало с Ларри Холлом?

– Ларри Холл!..

Они заговорили о старых временах, о старых друзьях и о том, что с ними со всеми произошло и куда они подевались. Большинство из них переехали. Те, кто остался, превратились в ходячих героев песен в стиле «кантри» – несчастных неудачников с невероятно высоким уровнем разводов в семьях. Многие их прошлые уличные враги жили ужасной и несчастной жизнью, и это их порадовало.

– Знаешь, – посерьезнел вдруг Пол, – друзья приходят и уходят, а вот семья остается.

– А ты здорово изменился.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Да ладно тебе. В школе, когда тебе не удавалось подцепить понравившуюся девчонку, ты всегда говорил мне, что девчонки – ничто, а вот друзья – всё.

– Никогда такого не говорил.

– Говорил, говорил. Наверное, ты тогда смотрел слишком много фильмов о настоящей мужской дружбе. Все эти фильмы про войну. Поэтому тебе и пришла в голову эта идиотская мысль о том, что если даже ты женишься, то друзья для тебя будут важнее жены.

– Ты что, псих? – прищурился на Пола Одд.

Грегори рассмеялся.

– Очень смешно. Так вот запомни, Пол, все эти голливудские истории о мужской дружбе – полное дерьмо, – сказал Одд. – У меня был миллион друзей и всего одна жена, и если бы мне пришлось выбирать между ними, то я бы даже не задумался. Мне могут нравиться мои друзья, но люблю я только жену.

– Пять баллов, черт тебя побери, – вставил Пол.

– Не могу поверить. – Грегори ухмыльнулся и покачал головой: – Неужели ты наконец вырос?

– Пошел в задницу.

Грегори покашлял и отпил кофе. Чувствовал он себя просто прекрасно. Они с Полом не виделись с самой школы, но никакого неудобства между ними не возникло. Казалось, что они просто продолжают с того места, на котором остановились много лет назад. Они опять жили в том же старом ритме и двигались в том же самом направлении. Им было приятно друг с другом – абсолютно комфортно, и в этом была своя прелесть.

– Как Деанна? – спросил Грегори.

– Все еще у мамочки. Я забираю ее в четверг. Я позвонил ей и сказал, что ты приехал, но, сказать по правде, она совсем не в восторге от того, что увидится с тобой.

– А ты просто скажи ей, что я тоже изменился.

– Это точно.

Они рассмеялись.

Грегори сделал бармену знак повторить. Затем осмотрел помещение и увидел неоновую рекламу пива, несколько старых шахтерских фото, полуспрятанный в темноте сломанный музыкальный автомат и видеоигру «Пакман». Раньше Грегори всегда демонизировал это место, смотрел на него как на источник ненависти и всего дурного, и теперь ему было приятно увидеть, что это просто обыкновенное заведение в маленьком, провинциальном городке. Было приятно осознать, что весь ужас этого бара был не чем иным, как плодом его

собственного воображения, и что все пороки, которые он связывал с ним, были результатом его фантазий, не больше и не меньше. Он наконец понял, что люди имеют в виду, говоря о «подведении итогов». Сама фраза за версту отдавала заумной психологией, и Грегори даже отказался от слова «итоги», как от очередного, ничего не значащего модного словечка, но в данном случае эта фраза очень хорошо объясняла происходившее. Он чувствовал себя так, как будто у него затянулась большая рана и теперь он *может* спокойно вернуться домой.

Бармен налил ему еще одну чашку кофе, и Грегори с благодарностью улыбнулся ему.

– Знаешь, – обратился он к Полу, – я тут подумал... Тебе не нужен помощник в кафе? Я буду делать это бесплатно, – быстро добавил он. – Не возьму с тебя ни цента.

– Ты выиграл в лотерею и бросил свою высокооплачиваемую работенку для того, чтобы... стать официантом в Макгуэйне? – ухмыльнулся Пол. – Ты что, пьян или сошел с ума?

– Я совсем не хочу становиться официантом. У тебя единственное кафе в городе, а в Калифорнии их тысячи. Вот я и подумал, что, может быть, смогу тебе помочь. Знаешь, слегка перетряхнуть твоё заведение, подтянуть его до калифорнийских стандартов...

– А как?

– А у тебя в нем кто-нибудь выступает? Артисты, например?

Пол покачал головой.

– Ну вот, видишь... А это помогло бы привлечь клиентуру. Я мог бы помочь связаться с местными певцами. Или поэтами, пишущими в ковбойском жанре. Или, чем черт не шутит, с какими-нибудь клубными актерами, которые до этой части света и не доезжали никогда раньше.

– А тебе это зачем? – спросил Пол.

– Считаю это инвестициями, – с улыбкой пожал плечами Грегори.

– Или желанием пресыщенного богатея... Ну хорошо, богатея, по стандартам Макгуэйна. – Пол кивнул и посмотрел на Одда: – Нам бы это *не помешало*. Стулья и столы можно сдвинуть к восточной стене, а на их месте ты построишь небольшую эстраду...

– Я готов оплатить материалы, – вмешался Грегори. – И вашу работу, – продолжил он, посмотрев на Одда. – Можно купить приличный свет, микрофон и звук.

– Всё в наших руках, – ответил старик.

– Тут есть определенный потенциал, – согласился Пол, и Грегори показалось, что он услышал в голосе друга нотки заинтересованности. – В городе никто не выступает живьем.

– Даже если мы подпишем какой-то местный талант, то к тебе явятся его родственники и друзья, чтобы посмотреть на него. Это по крайней мере. Бери двойную цену и не парься!

– Это может сработать... А вдруг ты спасешь меня от банкротства? – Пол нахмурился и протянул руку Грегори: – Договорились!

Тот хотел было немедленно отправиться в кафе, но перед Полом с Оддом стояло пиво, и ни один из них не торопился уходить. Они взволнованно обсуждали необходимые изменения и способы соединения кафе со сценой – Одд даже попросил у бармена карандаш и стал что-то писать на салфетке.

Через десять минут обсуждения планов, которые с каждой минутой становились все грандиознее, Грегори был вынужден напомнить им, что у них должен быть какой-то бюджет, за который нельзя выходить. Пол встал, извинился и прошел в туалет, который располагался в глубине бара.

Какое-то время Грегори и Одд молча попивали свои напитки.

– А вы давно здесь живете? – поинтересовался Грегори.

– Всю жизнь.

– А вы случайно не знаете, что произошло с Меганами? С теми, кому раньше принадлежал наш дом?

Одд нахмурился.

– Они что, переехали или...

– Они все умерли, – ответил старик.

Грегори моргнул и уставился на него.

– Билл Меган расстрелял всю свою семью. Убил их всех, а потом застрелился сам. – На его следующий вопрос Одд ответил прежде, чем Грегори его задал: – В спальнях. Пока они спали.

Грегори почувствовал, что ему необходимо выпить. Он заказал одно пиво, потом, не останавливаясь, второе и, наконец, третье.

– Так ты живешь в доме Меганов? – переспросил Пол после того, как вернулся из туалета и Одд все ему рассказал. – Смело, – присвистнул он.

– Не знаю, смело это или нет. Я просто ничего об этом не знал.

– И кто же продал тебе этот дом? – с отвращением спросил Одд. – Хотя подожди – сам догадаюсь... Колл. Колл Картрайт.

Грегори кивнул.

– Это противоречит законам штата Аризона. Продавец обязан информировать покупателя о том, что в доме произошло убийство, но Колл продаст собственную сестру людоедам, если только унюхает прибыль, так что меня это не удивляет... – Одд прищурившись посмотрел на собеседника. – Знаешь, ты можешь подать в суд на этого ублюдка. Разорвать контракт. Если ты не хочешь этот дом, то можно...

– Да нет, хочу.

– Почему, черт возьми? – Пол продолжал хмуриться.

– Понимаешь, прежде всего – мы только в него въехали и устроились. Мне не хочется опять заниматься поисками дома, еще раз переезжать и опять переживать весь этот стресс. И потом – в привидения я не верю...

– А кто верит? – поинтересовался Пол. – Но просто как подумаю, что все это происходило там, где спят твои дети, где твоя жена принимает ванну, где вы вместе завтракаете по утрам... Я бы только об этом и думал. Я человек не суеверный, не сомневайся, но это не значит, что я хочу купить холодильник Джеффри Дамера³⁰ и хранить в нем молоко. Это какое-то извращение.

– Кстати, именно из-за этого последние владельцы оттуда съехали, – добавил Одд. – Они стали *слышать* звуки.

– Звуки?

– Не знаю, что это было – то ли их воображение, то ли еще что-то, – но они говорили, что посреди ночи раздавались какие-то звуки и голоса. То ли это были настоящие привидения, то ли их воображение играло с ними эти шутки, но они так и не смогли там остаться... – Старик помолчал. – Иногда демоны в голове много страшнее демонов настоящих.

– Мы ничего такого не слышали, – парировал Грегори.

– Пока, – улыбнулся Одд. – Только пока.

– Хм... Признаюсь, что это не совсем то, что мне хотелось бы услышать, и мне было бы гораздо спокойнее, если б никто мне об этом не сказал. Но я не собираюсь паниковать, дергаться и уничтожать свою собственную жизнь из-за этих глупостей. Черт возьми, в любом старом доме были свои покойники.

– И тем не менее... – сказал Пол.

– Тогда держи это про себя, – посоветовал Одд. – Не говори своим близким. Это мой тебе настоящий совет. Меньше знаешь – крепче спишь.

³⁰ Американский серийный убийца-каннибал. Его жертвами стали 17 юношей и мужчин. Части тел своих жертв он хранил в холодильнике.

Грегори кивнул и вспомнил, как его мать благословляла дом, чтобы изгнать из него злых духов, прежде чем они вошли внутрь.

– Может быть, – задумчиво произнес он. – Может быть, вы и правы...

II

Молоканская община устроила вечеринку и барбекю с шашлыком и стейками по случаю окончания лета. Грегори общался с людьми, которых не видел целую вечность, – в основном это были родители его школьных друзей, единственные русские, еще живущие в этом городке. Его мать была на седьмом небе от счастья. Все время в центре внимания, она смеялась счастливым смехом и громко разговаривала. Такой оживленной Джулия ее никогда не видела.

Сама Джулия чувствовала себя немного не у дел. Она улыбалась, болтала и притворялась, что ей хорошо, но правда состояла в том, что она никогда не любила подобные сборища, а неписаное правило молокан гласило, что любой сговор, помолвка, свадьба, похороны или вечер, устраиваемый или самим членом общины, или в его честь, должен посещаться всеми членами братства. Против этого Джулия всегда внутренне возражала. Даже будучи еще ребенком в Лос-Анджелесе, она не получала удовольствия от подобных сборищ и всегда старалась их избежать, а сейчас, в самом захолустье Аризоны, среди людей, которых она совсем не знала и с которыми не собиралась общаться в будущем, все это было особенно неприятно.

Детям все это тоже не очень нравилось. Других детей или тинейджеров на встрече не было, поэтому Саша, Адам и Тео держались вместе, стоя на самом краю небольшого двора. Держа еду на бумажных тарелках и общаясь друг с другом, они с тоскою поглядывали на свободу, лежащую за оградой молельного дома. Кроме того, что большинство участников были стариками, они еще и говорили только по-русски, и Джулия ясно видела, что ее дети измучились и ждут не дождутся, когда же это все закончится. Особенно Саша.

Она понимала, что они должны были чувствовать – она сама ощущала себя точно так же, – но сегодняшний день был не их днем, это был день матери Грегори, и самое малое, что они могли для нее сделать, – это быть вежливыми и терпеть. Через несколько часов все должно закончиться.

Посреди двора, на одиноком столике для пикника, стоял громадный медный самовар. Джулия подошла к нему, чтобы налить себе чая. Она помнила, как, будучи ребенком, строила мост через чашку, используя кубики сахара, расставляя их в ряд и закрепляя сахарным же клином, а потом растворяла его, поливая горячим чаем. Это было почти обязательным умением для всех русских детей, и она научила этому своих собственных, хотя они не очень любили чай, и радость от этого умения очень быстро сошла на нет.

Грегори подошел, потерся об нее плечом и тоже налил себе чай.

– Все в порядке? – спросил он.

– Все прекрасно, – ответила Джулия.

– Мы смотаемся, как только люди начнут расходиться, – рассмеялся Грегори.

– Да все в порядке. – Она покачала головой. – Пусть твоя мать наслаждается.

– Уверена?

– Я готова держаться до самого конца. Все, что угодно, ради единства семьи.

– Спасибо тебе. – Грегори быстро поцеловал ее. – С меня причитается.

– Вечером можешь расплатиться, – улыбнулась Джулия.

– С удовольствием, – ответил он с улыбкой, слегка сжав ее за плечи.

Грегори допил чашку, налил себе новую и пригласил жену познакомиться с Семеном Конновым, лучшим другом своего отца. Она прошла вместе с ним через двор к тополи, под которым стояла группа стариков, наслаждавшихся шашлыком. Последовали представления, несколько вежливых вопросов, а потом разговор перешел на дела общины, и Джулия, извинившись, вернулась к самовару. Пить ей больше не хотелось, но самовар был расположен

в самом центре происходившего, и с этой точки она легко могла наблюдать за всеми участниками вечера. Женщина увидела трех старух, стоявших группой у изгороди. Разговаривая, они прикрывали рты ладонями, и было ясно, что они сплетничают. Еще она увидела старика с бородой до пояса, который был, по-видимому, пьян и громко критиковал и русское, и американское правительство за воображаемый урон, причиненный ему и его семье. Группа мужчин, собравшись возле барбекю, о чем-то спорила, но Джулия не могла понять о чем.

Из дверей молельного дома выплыла мать Грегори в сопровождении Якова Петровина. Эти двое спустились по ступенькам, прошли мимо барбекю, и все это время Джулия наблюдала, как проповедник увивается вокруг ее свекрови. Хотя она и говорила Грегори, что у него паранойя, но сейчас стала пересматривать свое отношение к происходящему. А ведь Грегори прав, подумала она. Проповедник действительно *запал* на его мать и сейчас делает отчаянные попытки вновь разжечь огонь тех отношений, которые прекратились много-много лет назад.

Джулия понимала, что должен был ощущать Грегори, но со своей стороны считала это очень милым, когда старики опять вступали в романтические отношения в столь позднее время. Хотя в этом присутствовала и какая-то грусть. Было видно, что в жизни Якова Петровина так никого и не было и что возвращение ее свекрови было для него недостижимой мечтой, неожиданно ставшей реальностью.

Как раз в этот момент мать Грегори взглянула на свою невестку. Их взгляды встретились, и обе немедленно в смущении отвели глаза в сторону.

Наконец вечеринка подошла к концу. Пары стали уходить, пьяных проводили к машинам и развезли по домам, а остатки еды отнесли в молельный дом.

Джулия и Грегори стояли вместе с детьми и прощались с уходившими, благодаря их за этот прием в честь их возвращения в Макгуэйн. Они были вежливы, и все остальные были вежливы с ними, но в том, как с ними общались, чувствовалась сдержанность, и было заметно некоторое расстояние, которое существовало между ними и членами общины. Джулия и раньше заметила это, но сначала отнесла это на счет своей собственной нелюбви к подобного рода мероприятиям, но теперь ей стало понятно, что молокане города Макгуэйна вели себя... несколько таинственно.

Да, именно. Они вели себя так, будто что-то знали или участвовали в каком-то заговоре, о чем не имели права рассказывать ни ей, ни членам ее семьи. Джулия знала, что молокане по сути своей любят все таинственное. Это выглядело естественно для представителей меньшинства, подвергавшегося гонениям. Ее собственная семья всегда с опаской и подозрением отвечала на вопросы относительно их вероисповедания или этнической принадлежности. Но здесь это было нечто другое. Здесь присутствовала еще какая-то особенность, характерная только для этих людей и этого места, и, хотя скорее всего в этом не было ничего особенного или опасного, она тем не менее чувствовала себя тревожно.

Грегори пошел за матерью. Та была занята тем, что договаривалась с несколькими пожилыми женщинами собраться вместе и приготовить хлеб и *lapsha*, и Джулия обрадовалась этому. Может быть, это положит конец ее ежедневным уборкам в доме, да и вообще ей совсем не помешает начать выходить и встречаться со старыми друзьями...

Джулия пыталась оценить прошедший вечер именно с этой точки зрения, но она так и не смогла избавиться от других мыслей и промолчала всю дорогу домой.

III

Джолин начала кричать в полночь.

Эти звуки вырвали Харлана из его сна. Он уселся в постели рядом с женой и спросил, мгновенно проснувшись:

– Что, уже началось? Уже пора?

Даже ответить ему она не смогла – просто продолжала кричать. Это был высокий, не прекращающийся ни на секунду животный крик – Харлан никогда не слышал ничего подобного, – и в этом крике не было ни пауз, ни ритма. Он понял, что что-то идет не так. При схватках не должно быть *так* больно, и в них должна быть какая-то периодичность, они должны усиливаться и стихать, боль не должна быть такой неотступной и безжалостной.

Джолин каталась по кровати, и ее тело извивалось и изгибалось в агонии, жилы на шее сильно напряглись. Он, протянув руку, попытался до нее дотронуться, попытался пощупать ее лоб, но ее резкие, беспорядочные движения не позволили ему сделать этого. Тогда Харлан стянул с нее измятое и перекрученное одеяло – и увидел то, чего боялся увидеть больше всего на свете.

Кровь.

Как пробка из бутылки, он вылетел из кровати и из спальни, схватил телефон в холле, набрал 911³¹, прокричал свой адрес и потребовал немедленно прислать «Скорую помощь». Разъединившись, опять схватился за трубку и набрал телефон Линды. Откуда, черт побери, у Джолин появилась эта дурацкая идея о том, что повитуха лучше врача, а роды в «естественных условиях» безопаснее, чем роды в клинике? И почему он оказался таким идиотом, что согласился на все это? Женщины часто умирали при родах в этих «естественных условиях». Для многих будущих матерей такие роды оказались смертельным опытом.

Не успел он набрать номер Линды, как услышал, что та уже колотит во входную дверь. Скорее всего она услышала крики Джолин и сама бросилась к ним домой. Харлан бросил трубку и побежал открывать.

Даже не взглянув на него, повитуха бросилась через холл в спальню.

Все простыни были красными. Джолин широко раскинула ноги, но ее половые органы были скрыты непрерывно льющейся кровью. Харлану показалось, что где-то далеко раздаются звуки сирены.

– Мне нужны полотенца и горячая вода! – приказала Линда. – Немедленно!

Харлан бросился в ванную, открыл горячую воду, схватил плоский розовый контейнер, в котором его жена обычно руками стирала свое нижнее белье, наполнил контейнер водой, сорвал пару полотенец с вешалки и поспешил назад в спальню.

Линда схватила полотенце, намочила его в воде и стала протирать промежность Джолин. Ему показалось, что среди крови он увидел какой-то круглый объект, выпирающий из ее вагины.

– Это ребенок, – подтвердила Линда.

Она поменяла положение и заслонила от Харлана его жену. Так было даже лучше. Он до боли вонзил ногти в ладони, совсем не желая видеть что-то сверх того, что уже увидел. Его сердце отчаянно колотилось, и в голове мелькали мысли, одна страшнее другой.

Джолин продолжала кричать. За все это время ее крик не прекратился ни на секунду, а когда Линда протянула руки и стала что-то делать у нее в промежности, крики стали еще громче. Харлан думал, что страшнее ее первого крика ничего быть не может, но он ошибался,

³¹ Единый телефон Службы спасения.

и теперь неприкрытая агония, звучащая в ее голосе и нечеловеческие страдания, скручивающие ее тело, разрывали ему сердце и наполняли ужасом его душу.

– О боже, – произнесла Линда, и, хотя голос ее прозвучал совсем негромко и ее восклицание скорее напоминало короткий глубокий вдох, Харлан хорошо услышал ее сквозь крики жены.

– В чем дело? – требовательно спросил он.

Повитуха схватила оба полотенца, быстро замотала ими руки, а потом схватилась за что-то между ног Джолин и резко потянула.

То, что она вытащила, было живо всего секунду, но он увидел, как в эту секунду оно дернулось, и услышал какой-то вскрик.

С белым как бумага лицом Линда отступила на шаг и уронила младенца.

Харлан уставился на кровать. Там, в крови, лежал маленький кактус-сагуаро – на его колючках виднелись кусочки вагинальной плоти, а сквозь красный слой крови проглядывала зеленая кожица растения. У кактуса было лицо, застывшее в отвратительной, скорченной гримасе.

Линда выбежала из комнаты.

Снаружи завывала сирена. Красные блики пробивались сквозь шторы в спальне, и Харлан ясно слышал статический треск в переносных рациях и голоса парамедиков, выкрикивающих указания.

Джолин прекратила кричать и приподнялась на локтях, издавая какое-то полубезумное кудахтанье. Кровь все еще продолжала идти и медленно покрывала неподвижное тело младенца-кактуса.

– Это твой сын, – произнесла женщина. – Это твой сын!

Ее смех становился все выше и громче, пока не достиг уровня ее предыдущих криков. Хохотала она так же безостановочно, как раньше кричала.

Харлан сильно ударил жену по лицу и выбежал в ванную, где его вырвало.

Глава 5

I

Саша была рада началу занятий в школе.

Переезд в Макгуэйн оказался полным кошмаром – и дня не проходило без того, чтобы она не пожалела о том, что не выполнила своей угрозы и не сбежала из дома. Девушка могла бы найти работу и снять комнату. Может быть, семья Эми приютила бы ее на несколько недель, пока она не устроилась бы... Ведь она уже не ребенок. Она учится в последнем классе, ей скоро будет восемнадцать, и по всем стандартам она уже *взрослая* и вполне могла бы жить своей собственной жизнью, без родителей...

И ей бы это вполне удалось.

Но Саша была «послушной девочкой», и проблема заключалась в том, что у нее не хватало силы воли, чтобы не послушаться родителей. В мыслях она всегда думала о своей жизни как о чем-то, что будет развиваться по заранее predetermined канонам. Она поступит в колледж, потом с помощью родителей найдет себе квартиру, встретит своего суженого, получит хорошую работу, выйдет замуж и будет жить да поживать в Ньюпорт-Бич, Брентвуде³² или где-то в этом роде. Будущее казалось ей совершенно стабильным, и этот неожиданный переезд застал ее врасплох. Она была к нему совершенно не готова и не знала, как на него реагировать.

И вот сейчас Саша оказалась в самой подмышке Америки, посреди идиотской пустыни, в городе, который вполне мог бы сойти за город-призрак...

Черт бы побрал все эти лотереи!

Но вот наконец начались занятия, и она сможет встретиться со своими одноклассниками. И хотя они вполне могут оказаться полной деревенщиной и никакое общение с ними не сможет исправить роковой ошибки ее родителей, это должно несколько смягчить эффект от переезда.

В Калифорнии Саша всегда была на хорошем счету в школе и всегда имела «правильных» друзей. Из какого-то протеста или из желания отомстить родителям в Аризоне она стала общаться с совсем другими учениками – неудачниками, курильщиками марихуаны, потаскушками, то есть с людьми, которые тусовались на Туркуоз-стрит, за физкультурным залом. С одной стороны, это было практично – группа, состоящая из неудачников, была менее организована, и в нее было легче войти. А с другой стороны, чисто эмоционально Саша сейчас чувствовала себя ближе к отверженным. Новоприобретенная ненависть к пай-девочкам и мальчикам изменила ее взгляды на жизнь, и сейчас девушка с презрением наблюдала за учительскими любимчиками, к которым и сама не так давно принадлежала.

Она захлопнула свой шкаф, прошла через толпу учеников на улицу и направилась в сторону физкультурного зала. Большинство учеников гасили сигареты и готовились разойтись по классам, но Шери Армстронг стояла, прислонившись к стене, и копалась в своей сумке, не проявляя ни малейшего желания идти на занятия.

Саша искала именно Шери и поэтому подошла к ней.

– Идешь на физру? – спросила она.

– Это еще зачем? – фыркнула ее подруга. – Чтобы эта лесбиянка-училка любовалась на меня, пока я переодеваюсь? Да ни за что.

³² Районы Лос-Анджелеса, где проживают представители среднего класса.

Саша попыталась улыбнуться. Идея идти на занятия одной, без подружки, ей не нравилась, и, хотя она понимала, что должна торопиться, если хочет успеть на занятия, девушка заколебалась.

Она посмотрела на Шери, которая продолжала равнодушно копаться в содержимом своей сумки. Раньше Саша никогда не прогуливала занятий, но она ненавидела физподготовку, и уж если начинать, то лучше всего именно с нее.

Наконец Шери нашла то, что искала, и выудила из сумки пачку сигарет.

Прозвенел звонок, и мимо них пролетела стайка опоздавших, которые торопились в аудитории.

Шери постучала пачкой по ладони и выудила сигарету.

– Закуришь?

Саша колебалась всего секунду, а потом подошла к подруге и тоже оперлась спиной о стену зала, протягивая руку.

– Конечно, – ответила она.

II

Джулия все еще никак не могла привыкнуть к их новому дому.

Она лежала с открытыми глазами в кровати и прислушивалась к чуть слышному жужжанию электрического будильника, который стоял на столике. Больше никаких звуков в доме не было, но этот звук неправильно работающего прибора многократно усиливался общей тишиной, и Джулия таращилась в темноту, стараясь от него отключиться. Она все никак не могла привыкнуть к здешней тишине, к отсутствию транспорта и ночных звуков, поэтому чуть слышный звук будильника выводил ее из себя больше, чем какофония Южной Калифорнии.

Этот звук никак не позволял ей снова заснуть.

Звук – и то, что ее мочевого пузыря был полон.

Но она боялась встать и пройти в туалет.

Джулия почувствовала стыд. В конце концов, она же мать. Это она должна успокаивать детей и объяснять им, что монстров и привидений не существует, что мир одинаков как днем, так и ночью и что в темноте никто не прячется.

А она не может заставить поверить в это саму себя.

Джулия никак не могла понять, что в доме было такого, что так выбивало ее из колеи, что вызывало у нее в душе этот ужас, – но это существовало и не отпускало ее ни на один день с момента их прибытия. Наоборот, это ощущение становилось все сильнее. С посудой больше ничего не случалось, никаких необычных вещей не наблюдалось, но, несмотря на это, она была не в состоянии избавиться от своих ощущений и объяснить их культурным шоком или эмоциональным напряжением, как бы ни старалась.

Именно поэтому Джулия без сна лежала среди ночи, боясь пройти в туалет.

В их доме что, живут привидения?

Она возвращалась к этой мысли снова и снова.

Джулия никогда не была суеверной, и даже в существовании Бога она не была полностью уверена. Все, что находилось за пределами реального мира, было для нее сплошной теорией и относилось больше к области фантазий, чем к реальным фактам. Но это ее отношение менялось, и, хотя месяц назад она бы в это ни за что не поверила, сейчас на полном серьезе думала, что в их доме живет какой-то призрак или дух.

Дух или призрак? И она это серьезно?

Джулия вздохнула. Может быть, *все это* действительно от стресса?

Вечером они долго беседовали с Грегори, лежа в постели. Эти моменты были единственными, когда у них появлялась возможность на личную жизнь. Поэтому они прижимались друг к другу и обменивались мыслями и ощущениями, которые не хотели обсуждать в присутствии матери Грегори или детей.

Когда муж начал рассказывать о кафе и о том, что хочет превратить его в ночное заведение, в котором будут выступать артисты, которые раньше никогда не добивались до этого отдаленного уголка, Джулия тоже захотела чем-то заняться.

– Хочешь помочь мне с акустической системой? – спросил Грегори.

– Нет, я больше думаю о волонтерстве, – ответила она с улыбкой.

– А я думал, что ты хочешь...

– К этому я еще приду, – быстро ответила Джулия. – Мне нужно... мне нужно какое-то время на акклиматизацию.

– Волонтерство? Постой-ка... И наверняка в библиотеке.

– Или в школе у Тео, – ответила она, защищаясь.

Грегори покашлял.

– Я хочу быть дома, когда дети возвращаются из школы.

– Как хочешь, милая, – кивнул Грегори, продолжая улыбаться. Затем притянул ее поближе и поцеловал в лоб.

Подобное пренебрежение с его стороны расстроило Джулию, и она прекратила разговор, дав ему еще немного порассуждать о кафе, прежде чем они занялись любовью и заснули.

Или, скорее, заснул он.

Она все еще бодрствовала.

И теперь ей надо было в туалет.

Джулия продолжала лежать в кровати с широко открытыми глазами, прежде чем собрала достаточно мужества, чтобы встать и пройти через холл. При этом она «совершенно случайно» разбудила Грегори, чтобы он смог услышать, если что-нибудь случится. После этого прошло еще сорок пять минут, прежде чем, окончательно измученная, она погрузилась в сон.

Утром за завтраком мать Грегори говорила об ангелах.

Она рассказывала Тео и Адаму, как ее ангел-хранитель не дал ей упасть с огромного валуна в заросли кактусов, – дети между ложками овсяных хлопьев внимательно слушали ее, и было видно, что они верят каждому ее слову. Это происходило уже не в первый раз, и Джулии не очень нравилось, что в ее доме так много разговоров на религиозные темы, но она хорошо понимала, что если ее свекровь решит жить с ними, то ей придется к этому привыкнуть. Они с Грегори обменялись взглядами, и муж смиренно пожал плечами.

Да и кто она такая, чтобы иметь свое мнение? Вполне возможно, что ангелы действительно существуют. Совершенно обособленная раса, живущая на совсем другом, более высоком уровне... В это ведь верит множество людей. Но будут ли ангелы настолько заинтересованы в отдельных людях, чтобы следить за каждым их шагом? В этом не было никакой логики, но, может быть, ангелы тоже садятся в кружок и обсуждают влияние тех или иных своих поступков на людей, совсем как люди обсуждают окружающую природу и животных? Для такой высокоразвитой расы люди могут быть просто домашними животными, как низшие формы жизни, и, возможно, вмешательство ангелов в жизнь людей сродни спасению людьми лесов красного дерева или защите естественных водно-болотных угодий?

Спустившаяся сверху Саша налила себе стакан апельсинового сока, быстро выпила и объявила:

– Я пошла.

– Тебе нужен хороший завтрак, – нахмурилась ее бабушка. – Завтрак надо есть.

– Времени нету. – Девочка вышла из кухни и прошла в гостиную. – Увидимся после обеда!

– Давайте, – сказал Грегори Адаму и Тео, отодвигая стул и вставая из-за стола. – Пора собираться.

– А почему ты возишь нас на машине? – спросил Адам. – Почему я не могу ходить в школу пешком, как Саша?

– Потому что Саша учится уже в последнем классе. Иди чисти зубы и собирайся.

– Плохо, – покачала головой мать Грегори. – Завтрак надо есть.

– Я не хочу чистить зубы, – объявила Тео.

Джулия отодвинула стул, на котором сидела девочка, подняла ее в воздух и опустила на пол.

– И все-таки тебе придется это сделать. Поторапливайся, если не хочешь опоздать.

Через десять минут дети были уже в машине, и Джулия помахала им рукой, когда Грегори отъехал от дома. Затем повернулась и направилась в дом, где ее свекровь уже убрала все со стола и готовилась мыть посуду.

Джулия взяла свою чашку и пригубила чуть теплый кофе. Затем села за стол и посмотрела сначала кулинарную колонку, а потом первую страницу «Лос-Анджелес таймс», которую прислали им вчера по почте. У них выработалась своего рода рутина: она готовила завтрак, а мать Грегори мыла после завтрака посуду. Обед они со свекровью готовили по очереди, а муж с детьми по очереди мыли посуду. Это значило, что на ее долю выпадало только мытье посуды после ланча.

Такими были их новые домашние правила, которые нравились Джулии гораздо больше, чем предыдущие.

Со стороны дороги послышался звук тарахтящего пикапа, который проехал мимо. Джулия оторвала глаза от газеты и посмотрела на свою свекровь. Они были одни, женщина только что рассуждала об ангелах, и момент показался Джулии подходящим для того, чтобы обсудить то, что мучило ее последнее время. Она посидела несколько секунд, допила свой кофе, а затем отнесла чашку к мойке. Поставив чашку в мыльную воду, прочистила горло и спросила:

– А вы верите в привидения?

Мать Грегори посмотрела на нее, но повременила с ответом. Она сполоснула тарелку, которую только что вымыла, и поставила ее на сушку.

– А почему ты спрашиваешь? – спросила она наконец.

Джулия поняла, что это ее шанс. Она вполне могла облегчить душу и рассказать старой женщине обо всем, что ее беспокоило и о чем она думала в последнее время. Но ее американское воспитание не позволяло ей отбросить условности, и, ненавидя саму себя, она ответила:

– Просто интересно.

Агафья кивнула, как будто ожидала именно такого ответа, и посмотрела на Джулию.

– Случаются разные *вещи*, – произнесла она серьезным тоном. Задумавшись, помолчала. – Папа, прежде чем умереть, видел своего брата Джорджа. А Джордж умер очень давно, когда ему было всего десять лет от роду. Он был в бедной, оборванной одежде. Папа лежал в постели, а брат Джордж вошел в комнату, протянул ему ключ и исчез. Умирая, папа сказал маме: «Он дал мне ключ. Дверь открыта. Я умру». И умер. Он сказал, что брат Джордж совсем не изменился – все та же оборванная одежда... Так что такие вещи случаются.

Джулия почувствовала холодок, хотя она видела, что свекровь пыталась рассказать эту сказку как успокаивающую, а не пугающую.

Такие вещи случаются.

Джулия подумала о неприятном полумраке в доме, и о напряжении, которое она испытывает с момента их приезда сюда, и о коробке с посудой, которая в совершенно пустой комнате упала с места, на которое ее никто не ставил...

Неожиданно послышался звук их машины, подъехавшей к дому, и Джулия испуганно дернулась. Мать Грегори взглянула на невестку еще раз, и на лице у нее появилось понимающее выражение. Оно говорило о том, что свекровь знает, о чем думает жена ее сына и почему она заговорила о призраках.

Джулия в смущении отвернулась.

– Привет, – сказал Грегори, войдя на кухню и бросив ключи на стойку. – О чем беседуем?

– Призраки, потусторонняя жизнь – ничего нового. – И опять Джулия с отвращением прислушалась к легкомысленному тону своего голоса.

– Я рассказала ей о папе. О том, как он перед смертью видел брата Джорджа.

Грегори вылил себе в чашку остатки кофе.

– А как насчет мужа тети Маши? Ведь он умер, когда она была еще молодой, правильно?

По лицу его матери прошло облако.

– Это было плохо.

– И тем не менее это произошло. Расскажи Джулии. Это интересно.

Грегори улыбнулся жене, а она вдруг возненавидела это самодовольное, полное превосходства выражение на его лице, которое, она это знала, очень часто появлялось и на ее собственном. Впервые в жизни Джулия увидела происходящее глазами родителей и подумала, что мать Грегори была удивительно терпелива с ними и с этим их интеллектуальным снобизмом, гораздо терпеливее, чем была бы сама Джулия.

Она нежно тронула свою свекровь за руку:

– Расскажите.

Старуха вздохнула и согласно кивнула. Затем вытерла руки и прошла вслед за Джулией к столу, где они уселись каждый по отдельности, как вершины треугольника, лицом друг к другу.

– Муж Маши, Билл, он, понимаешь, умер, когда ему было тридцать, и она очень тяжело это переживала. Плакала каждый божий день. Просто с ума сходила. А потом сказала, что в задней комнате какой-то шум. Постоянный шум. Но там никого не было. А потом она позвала папу и сказала, что видела Билла в черном костюме. Когда она это сказала, папа сказал: «Нам надо помолиться». – Свекровь крепко сжала перед собой руки. – Вот так. И они помолились, и больше она его не видела. Он никогда ей не снился и не появлялся. Просто исчез.

– Это был призрак? – уточнила Джулия.

– Нет. Не призрак. Призраков не бывает.

– Помню, отец говорил мне: «Если смогу, то вернусь и все тебе расскажу», – заметил Грегори, потягивая кофе.

– Он никогда не вернется, – уверенно произнесла его мать.

– Значит, призраков не бывает? – спросила Джулия. – И мертвые не могут вернуться?

– Иногда возвращаются... в виде ангелов. Тогда сразу понимаешь, что это не дьявол.

– Значит, когда мертвые возвращаются, то это злые духи?

– Да. Понимаешь, когда человек умирает, он всегда кого-то видит, – кивнула старая женщина. – Мой папа видел брата Джорджа. А когда умирал отец моей бабушки, он сказал: «Вот твоя мать у моих ног». – «Где?» – «Да вот же». – Женщина напряженно нагнулась вперед. – Он ее видел. Никто не видел – а она там *была*. Когда умираешь, с тобой всегда кто-то есть. Ты умираешь не один, но другие этого не видят.

– А что, если нормальный человек увидит призрака? Не тот, который умирает, а нормальный?

– Призрак – это ерунда.

– Но мне показалось, что вы сказали, что Маша видела своего мужа одетым в черный костюм... Разве это был не призрак?

– Нет, – покачала головой свекровь. – Это был злой дух. – На какое-то время она задумалась, затем продолжила: – Дьявол любит всякие подлости и поэтому хотел вывести ее из себя все больше, и больше, и больше, понимаешь? Именно поэтому надо молиться. Так случилось с моей кузиной Соней. Она жила в Сан-Диего, и ее мама умерла. Она была с нею очень близка. И мужа лишилась из-за матери – пока она за ней ухаживала, тот завел любовницу. Поэтому после смерти мамы она сказала: «Моя мама приходила ко мне и разговаривала со мною». Когда она рассказала об этом своему папе, то он сказал: «Как это, говорила с тобой?» И они тоже молились. Понимаешь, это была не сама мама, а только ее оболочка. Потому что Соня все время плакала. А плакать нельзя. То есть можно, но не каждый день, каждый день, каждый день, понимаешь?

– То есть если слишком сильно горюешь, то они возвращаются. – Джулия никак не могла согреться.

– Возвращается Зло. Поэтому, когда Джон умер, я молилась каждую ночь. Это тяжело, но совсем просто. Если ты произнесла молитву, то злой дух не появится. Когда молишься, им это совсем не нравится. Тогда дьявол уходит.

Такие вещи случаются.

Джулия была рада, что рядом находятся Грегори и его мать, что она не одна в доме.

– По крайней мере, я в это верю. Думаю, так все и происходит. – Агафья со значением посмотрела на Джулию и вернулась к раковине. – Вода остывает, – добавила она.

Грегори допил свой кофе и виновато пожал плечами, но Джулия его полностью проигнорировала. Она продолжала смотреть в спину Бабуне, которая опять занялась посудой. Ей было неудобно за то, как они обращались с ней все эти годы, и стыдно за то, что все они так небрежно отмахивались от того, во что эта женщина, по-видимому, глубоко верила.

Значит ли это, что Джулия тоже стала во все это верить?

Нет, конечно, нет. Она, конечно, была напугана, но объясняла это тем, что слишком много времени проводит в доме. И именно в этом был корень всей проблемы, а не в каких-то сверхъестественных силах. Ей просто надо почаще выходить, встречаться с людьми и найти себе какое-нибудь занятие.

Может быть, волонтерство – это и не такая уж глупая затея...

Сейчас она по-новому зауважала свою свекровь и, направляясь к себе в спальню, чтобы сменить пижаму, поклялась себе, что больше не будет с пренебрежением относиться к ее верованиям. Ведь это часть и ее культуры. Джулия была американкой, но и молоканкой тоже; так, может быть, пришла пора начать уважать свои корни?

Она вошла в спальню. Шторы были отдернуты, но в ней все равно царил полумрак, и, зажигая свет, Джулия невольно поежилась.

III

Когда Адам вернулся домой из школы, его ждало письмо от Роберто. Взяв его, мальчик немедленно прошел в свою комнату и закрыл за собой дверь. Там он бросился на кровать, разорвал конверт и принялся за чтение. Роберто совершенно сумбурно описал ему свой первый школьный день и рассказал о том, что ребята делали во время каникул: о том, что Шейла Хичкок еще больше раздалась вширь и теперь похожа на белого кита; и о том, как училка в шестом классе, миссис Мейя, вертит своим задом, когда пишет что-то на доске; и о том, как Джейсон Агилар встал прямо за нею и передразнивал ее на потеху всему классу, а потом успел сесть на место, прежде чем она повернулась. Как и обещал, Роберто вложил в конверт новую открытку с Человеком-пауком, и Адам немедленно добавил ее к своей коллекции, положив на самый верх пачки, которую он держал у себя в шкафу перетянутой резинкой.

Он еще раз перечитал письмо и улегся на кровать, глядя прямо в потолок.

Хотя ему очень нравился Скотт, он бы хотел, чтобы на его месте оказался Роберто. Адам скучал по своему другу и по Южной Калифорнии. Но к Макгуэйну он тоже уже стал привыкать, и его тоска уже не была такой сильной, как в первую неделю после приезда.

Адам достал свою тетрадь по английскому языку, вырвал из нее листок и написал Роберто ответ, в котором тоже изобразил свой первый день в школе, своих соучеников и Скотта. Затем старательно все отлакировал и преувеличил, так что в его описании день оказался значительно более интересным, чем был на самом деле. Адам задумался, не написать ли Роберто о бануа, но не знал, что о ней сказать или как ее описать, так что решил вернуться к этому попозже.

Письмо его развеселило, и у него было превосходное настроение, когда он заадресовал конверт, приклеил на него марку и отнес письмо в почтовый ящик, который стоял у самого въезда на их участок. Затем поднял красный флажок на ящике, чтобы обратить на него внимание почтальона, и подпрыгнул от неожиданности, когда почувствовал легкий подзатыльник.

– Лузер, – сказала Саша и отправилась дальше по дороге к дому, размахивая своим ранцем и уже начисто забыв о его существовании.

У Адама появилось желание догнать ее и отвесить ей ответный подзатыльник. Или выбить у нее в грязь рюкзак? Но, хотя сестра и была девчонкой, она все-таки была больше его и легко могла надрать ему задницу, поэтому Адам подождал у почтового ящика, пока она не пройдет половину расстояния до дома, а потом двинулся следом.

Шел он медленно, глядя себе под ноги и отбрасывая с дороги мелкие камешки. Через несколько недель у него будет день рождения, и он задумался над тем, как его провести. Обычно в этот день родители вели его и его приятелей в какое-нибудь заведение с пиццей и видеоиграми, но в этом году друзей у него еще не появилось. Ну, не считая Скотта. Адам робко надеялся, что в этом году родители его день рождения просто проигнорируют. Перспектива идти куда-нибудь только со своим семейством вгоняла его в депрессию, и он совсем не хотел, чтобы кто-то увидел, как он сидит в ресторане вместе с Бабуней, родителями и сестрами... как настоящий лузер.

Лучше вообще никак не праздновать день рождения, чем так позориться.

А может быть, родители уже что-то планируют? Тогда лучше предупредить их заранее, что он хочет тихо отпраздновать праздник дома, прежде чем они забронируют места в каком-нибудь публичном заведении.

Была пятница, и хотя Адам хотел посмотреть что-нибудь по каналу «Фокс», но когда ему позвонил Скотт с предложением прошвырнуться и посмотреть, что творится в городе, он сразу согласился.

Зная, что родители будут против, мальчик постарался подкатиться к ним как можно аккуратнее.

– Скотт пригласил меня зайти, – сказал он.

– Сейчас? Но уже темнеет, – заметила мама.

– И что из того?

– Я не хочу, чтобы ты шатался по улицам в темноте.

– Я не ребенок.

– А почему бы тебе не посидеть дома?

– А я думал, что мы для этого сюда и переехали... Чтобы я мог делать именно такие вещи...

– Может быть, в Макгуэйне и нет банд, но зато есть койоты, змеи, пьяные батраки и неизвестно кто еще.

– Ковбой-извращенцы, – подсказала Саша с ухмылкой.

– Саша, – предупредил ее отец.

– Скотт здесь родился, и он знает этот город. И потом, мы совсем не собираемся «шататься» по городу. Я иду к нему домой, а потом мы, может быть, пройдем во «Френч'с» и выпьем там по милк-шейку. А потом я вернусь домой.

– А почему ты не хочешь, чтобы папа отвез тебя?

– А почему бы тебе не повесить на моей спине большой плакат «Неженка и маменькин сынок»? – спросил Адам с гримасой.

– Мы с удовольствием это сделаем, – согласилась Саша.

Тео рассмеялась.

– Так, хватит! – вмешался папа и повернулся к Адаму: – Скажи мне, что ты в действительности собираешься делать?

– Именно то, что я сказал! Боже...

Родители переглянулись.

– Чтобы был дома в восемь тридцать, – сказала мама.

– Но до этого времени осталось всего час тридцать...

– Или так, или никак, – прокомментировал папа. – Хочешь – соглашайся, хочешь – нет.

– Я согласен.

– Если опоздаешь хоть на пять минут, – ухмыльнулся папа, – я поеду тебя искать и буду спрашивать всех встречных: «А вы не видели Адама Томасова? Мамочка ждет его дома».

Тео опять расхохоталась. Уходя, Адам притопнул подошвой теннисной туфли, притворяясь, что он сильно зол. На самом деле мальчик был счастлив – все получилось гораздо лучше, чем он ожидал. Адам схватил расческу и бумажник и выскочил из дома до того, как родители успели передумать.

Скотт ждал его, сидя на низкой деревянной ограде, окружавшей их участок. Из дома, стоявшего в глубине, доносились звуки громкого спора между мужчиной и женщиной, и Скотт сказал:

– Давай сматываться. Мои старики сцепились, и, поверь мне, лучше в такие моменты держаться от них подальше.

Он прыгнул с изгороди и повел Адама через улицу и темный двор дома, который стоял на самом краю высохшей канавы.

Они спустились в эту канаву и прошли по ней за домами и зданиями, выйдя прямо к полю за школой. Вслед за Скоттом Адам пересек школьный участок, и они вышли на Малахит-авеню и направились по этой улице в сторону центра города.

– Ты мог бы поверить, что город может быть таким мертвым? – с отвращением спросил Скотт. – Всё здесь закрывается в шесть вечера. Чертова дыра... – Он посмотрел на Адама: – Готов спорить, что в Калифорнии все не так.

– Это точно, – рассмеялся Адам.

Но потом он рассказал другу, что в Южной Калифорнии они не смогли бы вот так просто разгуливать по вечерам. Местность кишела бандами, проезжающими машинами, всякими большими и психами.

– И что, вечером на улицу не выйти? – недоверчиво переспросил Скотт.

– Если только у тебя нет машины. Например, в кино, моллы и другие подобные места нас с Тео возил или один из предков, или старшая сестра. А вот просто бродить, как мы сейчас с тобой, – нельзя. – Адам криво усмехнулся и добавил: – Это просто выводит из себя.

– Да, согласен, – кивнул Скотт, улыбнувшись.

Они добрались до торгового района и пошли по тротуару вдоль дороги. В витринах нескольких магазинов горел свет, но «Френч'с» оказался единственным заведением, которое еще работало, да и то в нем не было посетителей. Они зашли туда и купили две кока-колы и порцию жареной картошки на двоих, после чего продолжили свой путь, поедая картошку из замасленного пакета, который передавали друг другу.

В парке Скотт уселся на столик для пикника, а Адам, выбросив пакет в стоявшую рядом урну, облокотился спиной о цепь, окружавшую площадку. Ночью парк казался совсем другим – его контуры были размыты, а размеры, казалось, сильно увеличились в темноте. Они были совершенно одни. В Калифорнии, где любая группа из двух или более человек означала противоправную деятельность, это было бы плюсом, но здесь и сейчас это только усиливало тревогу, которую испытывал Адам. Опираясь на цепь, он стоял лицом к Скотту и смотрел в сторону улицы – основной массив парка находился у него за спиной, и наличие этой черной пустоты действовало ему на нервы. Мальчик небрежно подошел к столу и сел рядом с другом.

– По ночам у людей здесь мороз идет по коже, – сказал тот, хотя Адам вовсе не хотел начинать этот разговор.

Решив не показывать своего страха, он спокойно согласился:

– Ага.

– Знаешь, в этом лесу есть привидения...

Руки Адама немедленно покрылись гусиной кожей.

– Говорят, что давным-давно здесь вроде как поссорились два шахтера. Один убил другого, но, пока шериф добирался досюда, толпа линчевала убийцу, повесив его на дереве. – Скотт обвел опушку рукой. – Может быть, даже на одном из этих. И с тех пор, говорят, здесь завелось привидение.

– А ты его когда-нибудь видел?

– Нет, но я никогда не был здесь ночью.

Листья на верхушке ближайшего тополя зашумели.

– Давай-ка убираться отсюда. – Скотт соскочил со стола.

– Правильное решение, – согласился Адам, быстро последовав его примеру.

Они выбежали на тротуар и повернули налево, замедлив бег, только когда оказались в безопасности, рядом со зданиями, на самой периферии парка.

Тяжело дыша, Скотт наклонился вперед.

– Ничего не хочу сказать, – сказал он, ухмыльнувшись, – но ведь ты тоже это почувствовал, правда? Там наверняка что-то было.

Адам согласно кивнул.

– Я просто хотел это проверить. А идти туда ночью одному слишком страшно, вот я и подумал, что... что вдвоем будет не так жутко. И потом я знал, что ты честно признаешься, особенно если ничего не говорить тебе заранее. – Он взглянул на Адама: – А ты здорово испугался, нет?

– Ага, – подтвердил тот.

– Классно.

Несколько минут они стояли на месте, восстанавливая дыхание. Откуда-то издалека донесся звук автомобильного мотора, сопровождаемый лаем собак. Адаму было хорошо. В этом гораздо больше интересного, чем в шатании по торговым центрам или походах в кино. Это здорово возбуждало. Наверное, ему стоит попросить у родителей разрешения пригласить в гости Роберто на Рождество, или на Пасху, или будущим летом. Он знал, что Роберто со Скоттом понравятся друг другу, и был уверен, что Роберто просто очумеет от этого места.

– А теперь что? Каков наш план? – спросил он, взглянув на друга.

– Не знаю. Можем...

Скотт замолчал на середине предложения, резко посмотрев направо, и Адам проследил за его взглядом.

Перед музеем через дорогу обозначилось какое-то движение.

Сердце Адама подпрыгнуло у него в груди и застряло почти в горле – сначала он подумал, что это призрак, или вампир, или какой-то другой монстр. Но почти сразу же он разглядел, что это была группа шатающихся по улицам старшеклассников.

Света вокруг не было никакого, фонари не горели, поэтому местность освещалась только тусклыми лучами луны и приглушенным светом, лившимся из закрытого пробирного офиса³³ рядом с музеем. Этого оказалось достаточно, чтобы рассмотреть группу опасного вида подростков, приблизительно Сашиного возраста, которые опирались на увеличенные копии разных шахтерских инструментов, расположенные на лужайке перед музеем. Четыре девичьи были похожи на близнецов: крашеные черные волосы, черные одежды, черная губная помада, бледная кожа и широкие физиономии, характерные для местной гопоты. Из трех мальчишек один был одет в джинсы и футболку, и у него были длинные свалывшиеся волосы; второй был обрит налысо и без рубашки – его уши и нос были в пирсинге, а тело покрыто татуировками; у третьего была торчащая панковская прическа, и он был одет в изношенную кожаную куртку, слишком теплую для этого времени года.

Адам со Скоттом медленно двигались по тротуару в ту сторону, куда направлялись с самого начала – подальше от парка, к центру города, – стараясь оставаться незаметными и не привлекать к себе внимания.

– Так, так, так! – раздался громкий мужской голос со стороны музея. – А кто это у нас там крадется?

Попались!

Адам остановился и посмотрел на Скотта, который повернулся, и теперь они оба стояли лицом к зданию, расположенному через улицу.

– Похоже на полицию нравов! – громко рассмеялся татуированный лысый.

Остальные присоединились к его смеху.

– Приготовься бежать, – прошептал Скотт.

– Что? – У Адама неожиданно пересохло во рту, и его охватила паника.

– Просто делай, как я.

Скотт выскочил на открытое пространство и показал подросткам средний палец.

– Да имел я вас всех, – крикнул он, – вместе с вашими мамами!

Вернувшись на тротуар, он бросился бежать изо всех сил, направляясь к узкому проходу между магазином скобяных изделий и магазином предметов народного творчества. С выпрыгивающим из груди сердцем Адам бросился следом.

Сзади они слышали звуки погони и топот бегущих ног.

– Тебе конец, придурок! – крикнул один из подростков, а девичьи пьяно расхохотались. – Я тебя так отделаю, что у тебя задница на морду налезет!

³³ Место, где определяют чистоту драгоценных металлов.

Скотт продолжал бежать, сопровождаемый Адамом, который двигался на пределе своих возможностей. Ночной воздух обжигал его легкие, а мышцы ног были настолько напряжены, что угрожали порваться при каждом следующем шаге. Он никогда не был так близок к настоящей опасности и никогда не напрягал свои физические возможности до самого предела, поэтому ему в голову пришла бредовая мысль, что вот сейчас он свалится от сердечного приступа.

Но Адам знал, что не должен останавливаться. Надо бежать, и он оказался совсем рядом со Скоттом, когда тот съехал по сухому склону, который шел от задворков городских магазинов до сухого русла на дне каньона.

Теперь звуки погони исчезли, и с самого верха до них донесся злой голос:

– Я еще с вами разберусь, дерьмо собачье...

Вдвоем они двигались в темноте каньона, изредка наступая на валяющиеся камни и спотыкаясь о растущие кусты, но не замедляя скорости движения и не останавливаясь. Скотт был похож на серое пятно перед глазами Адама, и они бежали еще, наверное, целый час, прежде чем добрались до дороги, которая пересекала русло и вела в сторону жилого массива на востоке.

Здесь они прислушались, чтобы понять, продолжается ли погоня, но Адам ничего не слышал, кроме звуков их прерывистого дыхания. Он уселся на камень, чтобы отдохнуть. Скотт плюхнулся на песок.

– И что нам теперь делать? – требовательно спросил Адам.

– Что ты имеешь в виду?

– А что, если они засекут меня по дороге из школы или еще где-то? Что, если...

– Да они тебя вообще не видели. Они даже меня не узнают при свете. – Скотт решительно махнул рукой. – Да я уже тысячу раз так делал.

Адам не был уверен, что его друг говорит правду, но ему этого очень хотелось, поэтому он предпочел не спорить. Мысленно мальчик проиграл в голове каждую секунду их приключения, и чем больше он об этом думал, тем больше убеждался в том, что Скотт скорее всего прав. Черт, эти переростки даже не побежали за ними вниз по склону. Они гнались только по улице и за домами, а потом остановились. Для них это был просто повод повеселиться.

Да и к тому же они были так одурманены, что завтра вообще ничего не вспомнят.

Скотт хрипло засмеялся.

– Ну что, на сегодня приключений достаточно?

– Думаю, что да.

Оба мальчика рассмеялись и посидели еще немного. При этом они тяжело дышали и ничего не говорили, а просто смотрели на дно каньона, чтобы убедиться, что там никого нет. Постепенно их дыхание восстановилось и снова стало бесшумным.

– А сколько сейчас времени? – спросил Адам. – У тебя часы есть?

– Не-а. А что? Тебе во сколько надо домой?

– Наверное, уже сейчас, – ответил Адам, поднимаясь. – Вставай, пойдем.

Скотт встал, отряхнул штаны от песка, и они вместе двинулись по извилистой дороге, ведущей к рядам домов наверху.

– А ты уже слышал, что приключилось с миссис Дэниелс? – спросил Скотт, когда они подошли к первому дому.

– Я о ней вообще никогда не слышал, – покачал головой Адам.

– Она была беременна, и у нее начались схватки, и все ждали, что она родит девочку... –

Голос Скотта зловеще понизился: – Но это оказалась не девочка.

– А кто же? Мальчик?

– Это вообще был не ребенок, – ответил Скотт указывая на следующий дом, забранный в деревянный каркас. – Это было здесь. Прямо в этом доме, парень.

– Ты сошел с ума.

– Это был кактус. Она родила кактус!

– Не может быть! – сказал Адам.

– И тем не менее. Они старались сохранить это в секрете, чтобы никто не узнал, но у нее родился сагуаро вместо ребенка. Маленький кактус-сагуаро с детским личиком.

– А ты откуда знаешь?

– Друг моего старика – парамедик, и я слышал, как он это рассказывал. Он сказал, что это была самая извращенная штука, которую ему приходилось видеть в жизни.

– И что же, он был... живой?

– Кажется, нет. Но эта штука здорово ее разорвала, пока рождалась, и у нее были маленькие ручки, ножки и личико.

– Боже!

Они помолчали, пока проходили мимо дома.

– Весь этот гребанный город полон привидений, – заметил Скотт.

– Правда?

– Правда.

Последовала пауза.

– И ваш дом тоже.

– Невозможно.

– Возможно.

– Слово?

Скотт кивнул.

– В вашем доме никто не мог прожить дольше нескольких месяцев. А те, кто там раньше жил, то есть настоящие хозяева, они все были убиты. Папаша прикончил всю семейку, пока все спали, а потом отстрелил себе башку. И после этого люди не задерживаются в доме надолго. Он их отпугивает.

– А чего ты раньше мне это не рассказывал?

– Не думал, что у тебя хватит духа это выслушать, – пожал плечами Скотт.

– Так что, значит, жильцы что-то там видели и слышали? Что-то вроде призраков и прочей ерунды?

– А ты что-нибудь видел? – поинтересовался Скотт, кивнув.

Адам подумал, не рассказать ли ему о бануа, но ему не хотелось говорить об этом прямо сейчас, и он решил вернуться к этому разговору позже. Поэтому он просто покачал головой и сказал:

– Нет.

– Значит, скоро увидишь. Уж поверь мне на слово. У вас в доме полно нечистой силы.

– Врешь.

– А вот и не вру.

Адам посмотрел на друга, и кончики его губ медленно растянулись в улыбке.

– Круто, – сказал он.

Глава 6

I

– Черт, – негромко выругался Пол.

Ночью рампа сценического освещения отвалилась, превратив все, что они делали весь вчерашний день, в кучу обломков. Она не только свалилась, но и все до одной лампы разбили.

И вот теперь мужчины стояли, глядя на весь этот разгром, на пустые держатели для ламп, перевернутые столики и кресла без подушек. Грегори наклонился, поднял согнутую скобу и внимательно осмотрел ее.

– Вы, наверное, неправильно их закрепили, – предположил Пол.

– Мы все сделали по инструкции, – возразил Одд, – а потом еще кое-где усилили крепление. Такого просто не могло произойти.

– И тем не менее результат налицо.

– Кто-то пробрался в помещение.

– Никто не пробирался. – Пол носком ботинка отбросил кусок битого стекла. – Боже, все выглядит так, как будто здесь произошло чертово землетрясение...

– Пару болтов просто срезало, – сказал Грегори и поднял погнутую скобу и шляпки двух болтов. – Думаю, что в этом вся причина. Ведь даже если эта скоба погнулась под весом конструкции, болты не могли так просто сломаться – они для этого и предназначены. Для того, чтобы брать на себя дополнительный вес конструкции.

– Не грузи меня этой ерундой, – вздохнул Пол.

– Но это не страшно. – Грегори заставил себя улыбнуться. – Мы их просто заменим. Я съезжу в Тусон и...

– Я не могу разрешить тебе это, – покачал головой Пол. – Ты уже и так достаточно потратился. Это моя собственность, и я за нее отвечаю. Думаю, нам лучше всего завязать со всем этим проектом.

– Ерунда. Ты же не дал мне закончить. Я съезжу в Тусон, объясню на фирме, что произошло, и покажу им эти обломки. И если они не согласятся все это заменить, то *тогда* я куплю новое освещение. На мой взгляд, все произошло из-за их ошибки при изготовлении этой штуки. Мы просто смонтировали бракованный продукт. Я подчеркну, что из-за этого могли погибнуть люди и что я сообщу об этом в Бюро по улучшению деловой практики или куда там в таких случаях заявляют. Думаю, что они заменят нам эту конструкцию на новую.

– А оно нам нужно? – спросил Одд. – Ты совершенно прав. Я тоже думаю, что это брак. Но мне кажется, что нам надо просто получить с них деньги, а купить где-то в другом месте.

– Можно и так, – согласился Грегори. – Я просто хочу сказать, что нам не надо горячиться. Это просто небольшая временная задержка. Совсем не конец света, и мы не должны отказываться от своих планов.

– Вот именно, – согласно кивнул Одд.

– Конечно, вы, ребята, можете считать что угодно, но я владелец, – мрачно вмешался в их разговор Пол. – И это я оплачиваю страховку, и за задницу возьмут тоже меня, если с кем-нибудь что-нибудь случится.

– Да ничего ни с кем не случится, – возразил Грегори.

– К тому времени, как мы все закончим, – пообещал Одд, – дети смогут качаться на этой конструкции, как на турнике, и она даже не прогнется.

– Если для тебя это так важно, то я могу поучаствовать в страховке, – предложил Грегори, глубоко вздохнув.

– Знаешь, я не ищу совладельца, – отмахнулся от него Пол.

– А я и не хочу им становиться.

Пол поднял один из поломанных корпусов осветительных ламп.

– Знаете что, давайте все это уберем, позвоним в компанию, а потом решим, что делать дальше.

– Хорошо, – согласился Грегори.

Они с Оддом отправились за веником, щеткой и совком для мусора, которые хранились в подсобном помещении между мужским и дамским туалетами. Сделав поляроидные снимки общего плана разрушений, а потом каждой сломанной детали по отдельности, они принялись за уборку, за которой провели большую часть утра. Столики на улице и те, что находились ближе к кассе и прилавку, не пострадали, и Пол отгородил место разрушений желтой веревкой, так, чтобы утренние посетители не испытывали никаких неудобств.

У этого места есть потенциал, думал Грегори. Помещение кафе было вполне достаточным, чтобы разместить в нем сорок-пятьдесят человек, и Одд отлично потрудился, встраивая небольшую сцену у стены слева от прилавка. Несмотря на все сомнения и беспокойства Пола, они зашли уже слишком далеко, чтобы все бросить, и он знал, что на этом этапе его старый друг от проекта не откажется.

Кроме того, Грегори уже побывал в типографии и договорился о целой куче всяких флайеров. Он планировал распространить их по всему городу: на досках объявлений в обоих супермаркетах, в окнах бензозаправок, в библиотеке и скобяном магазине, а также во всех остальных магазинах, где удастся. Один флайер он обязательно разместит на доске объявлений на почте, там, где обычно сообщается обо всех социально значимых событиях в городе, а остальные расклеит на телеграфных столбах по всему городу. Им необходимо *разжечь* интерес. Если флайеры не помогут, то Грегори был готов выкупить целую рекламную страницу среди никому не нужных объявлений Торговой палаты, фотографий со школьных спортивных состязаний и объявлений о продаже гаражей в издании, которое называлось «Макгуэйн монитор».

Хотя он был уверен, что люди и так придут. Начнут они с Ночи поиска талантов. Это будет открытый вечер, во время которого любой желающий сможет подняться на сцену и делать все, что его или ее душе угодно: петь, играть на гитаре, рассказывать скетчи, смешить публику, принимать участие в самодеятельных музыкальных группах. А после этого они предложат ангажементы самым успешным из них.

Это будет похоже на высадку новой травы, на создание заповедника талантов, которые раньше не имели возможности выступать на публике, и Грегори особенно нравилось то, что они предоставят им такую возможность. Они дадут людям шанс. Здесь смогут выступить и гаражные музыкальные группы, которые до сих пор только и знали, что доводили своих соседей шумом во время репетиций, и трепетные барды, которые пока репетировали только перед зеркалом в спальне.

Сейчас кафе может казаться мертвым, но он все здесь перевернет. Он, Грегори, создаст аудиторию для этих актеров и клиентуру для этого кафе. Это была потрясающая возможность, и он собирался использовать ее на все сто. Раньше Грегори никогда не задумывался над значением слова «карьера». Он всегда думал о «работе». А сейчас видел себя в роли нового Билла Грэхэма³⁴, договаривающегося о сольных концертах исполнителей – и на пике

³⁴ Американский импресарио и промоутер, занимавшийся организацией концертов рок-музыки с середины 60-х и до 1991 г., когда погиб в вертолетной катастрофе. Продюсировал такие коллективы, как «Грейтфул Дэд» и «Джефферсон Эйрплэйн».

славы, и давно забытых, – открывающего новые таланты и управляющего карьерами музыкантов. Может быть, кафе даже расширится и займет помещение соседней парикмахерской... Им ведь нужны будут артистические, если они хотят привлечь к себе настоящих профессионалов.

Они закончили расставлять столики и, протерев пол, запихнули остатки рампы в заднюю комнату.

– И все-таки я считаю, что кто-то сделал это нарочно. – Одд смотрел на повисшую на проводах розетку. – Вандалы. Сами по себе эти лампы свалиться не могли, только не после того, как мы их закрепили.

– Мне тоже все это кажется странным, – согласился Грегори.

Сзади слышались звуки шагов, и кто-то прочистил горло. Они обернулись и увидели в дверях Пола, который рассматривал перекрученную кучу проводов, лампочек и шнуров.

– И вы думаете, что сможете так прикрепить новую рампу, что она не отвалится и не поубивает зрителей? – спросил он с глубоким вздохом.

– Естественно, – ответил Одд.

– До субботы?

– Без проблем.

– Хорошо, – кивнул Пол и отвернулся. – Хорошо.

Одд посмотрел на Грегори. Тот ухмыльнулся и сказал:

– Кажется, мы опять в деле.

II

Джулия стояла перед входом в библиотеку, не уверенная, что хочет войти. Она наконец решила заняться работой на добровольных началах, помогая расставлять или проверять книги или что там еще может быть нужно в этой библиотеке, но потом у нее появились сомнения. Никакой рациональной причины для этого не было, просто смутное предчувствие какой-то беды. Но если этого было достаточно для того, чтобы испугать ее в собственном доме, то это чувство так же легко могло отвлечь ее и от библиотеки.

Нет. Хватит поддаваться этим нервам. Она должна что-то решить и сделать, выполнив наконец те обещания, которые дала сама себе, а не перепрыгивать с одного неудавшегося дела на другое.

Джулия схватила за ручку, открыла стеклянную дверь и шагнула внутрь.

Публичная библиотека города Макгуэйна была достаточно велика, чтобы выполнять свою функцию, и достаточно мала, чтобы сохранить свою индивидуальность. Вместо бездушных компьютерных экранов, которые заменили карточные каталоги почти во всех библиотеках Южной Калифорнии, здесь у дальней стены, между двумя окнами, стоял дубовый шкаф с карточками. Четыре стола для чтения соседствовали со стойками с периодикой, а стеклянная витрина была полна старых фотографий и древних орудий для работы в шахте. Набитые книгами полки занимали две трети свободного пространства в середине прекрасно освещенной комнаты, а справа от стола выдачи книг находился шкаф, на котором было написано «БЕСТСЕЛЛЕРЫ И НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ». За этим столом сидела приветливая полная женщина, которая просматривала то, что Джулии показалось карточками с названиями невозвращенных книг.

В помещении находились еще две женщины. Посетительницы. Белокурая женщина приблизительно ее возраста читала аннотации на задней обложке новой книги Стивена Кинга, а пожилая женщина с седыми волосами сидела за столом, обложившись журналами по шитью.

В библиотеке стоял восхитительный запах старых книг – глубокий, со множеством оттенков; аромат, который почти исчез из новых библиотек, воздух в которых освежался при помощи кондиционеров. Этот полузабытый запах вернул Джулию в детство.

Здесь будет приятно работать.

Теперь она была рада, что пришла, и мысленно дала себе клятву довести это дело до конца. Ей просто *необходимо* довести это до конца. Как ей ни стыдно было в этом признаться, но Джулия оказалась совершенно не готова к этому выигрышу в лотерею. После него она поняла, что относится к категории людей, жизнь которых должна быть строго структурирована и для которых самыми большими мотиваторами в жизни являются различные невзгоды и обязанности. И обладание большими деньгами было худшим из того, что с ней могло случиться.

Она подошла к столу, и женщина с лишним весом улыбнулась ей:

– Могу ли я вам чем-то помочь?

– Я хотела бы поработать на общественных началах, – кивнула ей Джулия. – Не знаю, есть ли у вас здесь какая-нибудь...

– Милочка, – сказала женщина, – нам всегда нужны волонтеры. – Она с трудом поднялась из-за стола. – Как вас зовут?

– Джулия. Джулия Томасова.

– Молоканка?

Джулия кивнула, не будучи уверенной, прозвучало ли в голосе женщины осуждение или это была простая констатация факта.

– Не помню, чтобы мы раньше встречались.

– Мы только что вернулись в город. То есть скорее мой муж вернулся. Он родился здесь, а я – в Лос-Анджелесе.

– Меня зовут Марж Линдси, – кивнула женщина. – И я местный библиотекарь. У меня нет никаких официальных помощников или ассистентов, так что все остальные, кто здесь трудится, – добровольцы. Вы когда-нибудь раньше работали в библиотеке?

Джулия чуть было не рассказала ей свое резюме, но в последний момент одумалась и просто кивнула. Она не хотела вступать ни в какую конкуренцию и заниматься играми в «кто кого умнее», поэтому поняла, что в Макгуэйне предыдущий опыт работы в библиотеке может быть рассмотрен как прямая угроза благополучию других сотрудников. Она собирается работать на эту женщину – и будет оставаться на стороне этой доброй библиотечарши.

– Отлично. Нам нужна любая помощь, которую вы можете предложить. Как я уже сказала, я здесь единственный работник, который сидит на зарплате. Библиотека получает деньги от графства, и, кроме моей зарплаты, мы ежегодно получаем небольшие суммы на пополнение фондов, так что все, что выходит за эти рамки, выполняется исключительно добровольно. Большинство наших приобретений являются пожертвованиями, а наши волонтеры ведут каталог и алфавитный указатель, а также приводят в порядок старые книги. Они же расставляют книги по полкам, а иногда принимают и выдают их. – Марж внимательно следила за реакцией Джулии, и та мило ей улыбнулась.

По-видимому удовлетворенная, библиотечарша обратилась к двум посетительницам:

– Деанна? Хелен? Вы ведь не торопитесь? Я отведу нашего нового волонтера в хранилище и всем ее представлю.

И пожилая женщина за столом, и молодая женщина с книгой Кинга кивнули в знак согласия. Вслед за Марж Джулия прошла через дверь, расположенную в задней стене, и оказалась в хранилище, на удивление большом. Здесь она увидела двух женщин среднего возраста, которые сидели за длинным столом, окруженные пачками книг. Под столом тоже стояли коробки с книгами. Несколько томов лежало на практически пустой металлической полке, стоявшей отдельно. У дальней стены, рядом с холодильником и продавленным диваном, находились две ручные тележки.

Когда они вошли, женщины подняли головы.

– Альма, Труди, – обратилась к ним Марж. – Это Джулия Томасова, наш самый новый доброволец.

Обе женщины улыбнулись и кивнули.

– Альма отвечает у нас за пополнение фондов. Она с нами уже шесть лет...

– Семь, – поправила Альма.

– Семь? – В голосе Марж звучало удивление. – Неужели так долго?

– В приятном обществе время летит незаметно.

Все трое рассмеялись, Джулия тоже вежливо улыбнулась.

– В любом случае Альма здесь каждый день, и она вроде как моя правая рука. Труди работает у нас уже около года, но приходит пару раз в неделю. Не знаю, о каком расписании думали вы сами, но мы готовы использовать вас тогда, когда вы будете свободны. Час в день, раз в неделю или как сами скажете.

– Я думала о вторнике и четверге для начала. Может быть... с десяти до двух?

– Прекрасно, – ответила Марж. – Просто здорово. Как видите, сейчас мы описываем добровольные дары нашей библиотеке. Мы получили довольно много книг в дар от одного из наших бывших мэров. Это случилось около полугода назад, но тогда мы были заняты перестановками, и до сих пор руки до этого дара не доходили. Мы как-то слегка позабыли про него. Но теперь это наша главная задача. А вы планировали приступить прямо сегодня? – Марж посмотрела на Джулию.

Та кивнула.

– Прекрасно, просто прекрасно. Вы говорили, что уже работали в библиотеке, так что, надеюсь, быстро сообразите, что к чему. – Библиотекарша указала на пустой стул рядом с женщинами. – Девочки все вам покажут. А если возникнут вопросы, на которые они не смогут ответить, то загляните в переднюю комнату, и я с удовольствием вам помогу.

Задержавшись еще на несколько минут, Марж помогла Джулии устроиться, а потом извинилась и прошла к столу выдачи книг и посетительницам.

– Молоканка? – спросила Труди, протягивая Джулии пачку регистрационных карточек. Джулия кивнула.

– Мой первый муж был молоканином. Жалкий алкаш, – заметила Альма.

Джулия молчала, не понимая, к чему она клонит.

– А твой муж тоже молоканин?

– Да, – ответила Джулия.

– Он тебя когда-нибудь бил?

– Нет, – рассмеялась Джулия.

– Тебе просто повезло.

– Я знаю, что не все они избивают своих жен, – заметила Труди.

– И не все те, кто избивает жен, обязательно молокане, – напомнила Джулия.

– Об этом ты могла бы *мне* и не говорить, – согласилась Альма.

Труди с симпатией улыбнулась Джулии. Она как будто хотела сказать про Альму – она не-так-уж-плоха-стоит-только-узнать-ее-получше.

Джулия понимающе улыбнулась в ответ, и скоро беседа перешла к обычным вопросам и ответам, касавшимся биографий собеседниц. У Альмы была действительно нелегкая жизнь. Джулия была просто потрясена ее проблемами, воистину достойными того, чтобы о них сняли целую мыльную оперу. Она могла бы начаться с многочисленных замужеств Альмы – причем ее мужьями становились, как правило, различные лузеры и бездельники – и закончиться недавним арестом ее старшего сына по обвинению в распространении наркотиков. Труди, напротив, была с шестнадцати лет замужем за одним и тем же мужчиной, который был страховым агентом и одним из старшин в общине мормонов. Обе женщины показались Джулии приятными и честными, а также начисто лишены каких-либо претензий, что приятно ее удивило. А когда Джулия подумала о том, как мог бы сложиться ее день, останься она дома, то женщина почувствовала настоящую радость от того, что утром пришла в библиотеку.

Однако потом беседа серьезно осложнилась. Альма перевела разговор с личных вопросов на политику.

– Правительство опять врёт нам, – объявила она.

Труди ничего не ответила, и Джулия последовала ее примеру. Она просто продолжила заполнять карточку на лежащую перед ней книгу.

– Скоро в Землю врежется комета, а правительство об этом знает, но держит в секрете.

– Где ты такое услышала? – Джулия не смогла сдержать улыбки.

– Джо Смит.

– Кто такой Джо Смит?

– Он ведет программу на радио. С полуночи до четырех утра на волнах станции Уилкокс. Сегодня ночью он сообщил, что прямо на Землю летит комета, которая врежется в нее где-то на Западном побережье и убьет миллионы людей, а правительство ничего не сообщает, потому что боится паники.

– А ты не думаешь, что если бы это было правдой, то мы бы об этом знали? – покачала головой Джулия. – Об этом говорили бы по телевизору и писали в газетах.

– Это все потому, что правительство все держит в секрете.

– И даже при наличии крупных новостных агентств и всех тех людей, у которых есть телескопы, никто ничего об этом не знает, за исключением ночного ведущего радиостанции в Уилкоксе, штат Аризона? Прости, но я не верю.

Альма сощурилась и подозрительно посмотрела на Джулию:

– А ты у нас случайно не какая-то там либералка?

– Альма права, – вмешалась в разговор Труди. – Джо Смит говорит нам ту правду, которую правительство предпочитает скрывать. Джо Смит – это даже не его настоящее имя. Он использует его, чтобы правительство не могло его поймать.

Джулия думала, что Труди будет ей союзницей в разговоре, но сейчас смотрела на своих собеседниц как на сумасшедших.

Неожиданно она вспомнила старый фильм «Американские граффити»³⁵, в котором все герои выдумывали заумные истории о Вульфмане, своем любимом диск-жокее. Некоторые из них утверждали, что он ведет свои передачи с корабля, находящегося в нейтральных водах, а другие верили, что он нелегально передает свои передачи из Мексики в США, тогда как правда заключалась в том, что он был местным парнем, работавшим в захлавленной студии на окраине города.

Джулии не хотелось продолжать эту дискуссию, и она решила ее игнорировать, пропустить мимо ушей и сконцентрироваться вместо нее на своей работе. Джулия грешила заносчивостью и причисляла себя к интеллектуальной элите, поэтому относилась подобным рассуждениям на счет невежества своих собеседниц и недостатка их образования. Она считала, что основные расхождения в их мнениях и мировоззрении были результатом именно разницы в образовании. Альма и Труди скорее всего окончили только среднюю школу, а она выросла в Лос-Анджелесе и окончила колледж. Про себя Джулия решила, что в будущем им надо полностью отказаться от обсуждения политических и религиозных тем.

– Вот увидишь, – твердо сказала Альма. – Когда комета врежется в Калифорнию, тогда ты во все согласишься.

Джулия никак не прореагировала на эти слова.

– Правительство врет нам на каждом шагу. Оно не говорит правды ни о том, что произошло в Оклахома-Сити³⁶, ни о взрыве «рейса восемьсот»³⁷, ни о том, что мы тренируем войска ООН.

– Правительство всегда так, – вмешалась Труди. – Именно поэтому нам нужно свое собственное ополчение, чтобы защитить Америку.

Джулия не выдержала:

– Ополчение от кометы вряд ли поможет.

– Ты кто? – опять сощурилась на нее Альма. – Предатель, что ли? С вами, русскими, ничего нельзя знать наверняка...

– Оставь ее в покое, – сказала Труди. – Она ни в чем не виновата. Просто СМИ промыли ей мозги.

В хранилище вошла Марж.

– Девочки, девочки, девочки... – Она обреченно улыбнулась. – Ваш спор слышен в читальном зале. Я пришла, чтобы попросить вас говорить потише. Вы мешаете посетителям.

– Прости, – ответила Труди.

³⁵ Молодежная комедия, второй полнометражный фильм Джорджа Лукаса, в котором автор дает широкую панораму провинциальной Америки времен правления Джона Кеннеди.

³⁶ Имеется в виду теракт, произошедший там 19 апреля 1995 г. и до событий 11 сентября 2001 г. считавшийся крупнейшим за всю историю США.

³⁷ «Боинг-747», летевший этим рейсом в Рим, взорвался через 12 минут после взлета из международного аэропорта в Нью-Йорке 17 июля 1996 г. Погибло 230 человек. Расследование показало, что причиной катастрофы послужил взрыв паров топлива в одном из баков. Считается крупнейшей авиакатастрофой за всю историю США.

Библиотекарша понизила голос:

– Кроме того, я слышала, о чем вы говорили, и не могу просто так это оставить. Джулия, хотите вы этого или нет, но перед нашей страной стоит очень большой вызов, и всем нам пора определиться с ее будущим. Америка стоит перед угрозами, с которыми наше правительство то ли не может, то ли не хочет справляться. Соединенные Штаты – это страна людей, созданная людьми и для людей. Иногда люди просто обязаны брать управление в свои руки. Для этого у нас существует Вторая поправка³⁸. Так что мы можем собрать ополчение, для того чтобы в случае угрозы защитить свободу Америки.

– А кто угрожает нашей свободе? – Джулия посмотрела Марж прямо в глаза.

Женщина отступила.

– Я не собираюсь вести здесь политические дискуссии. Я просто пришла сказать, чтобы вы говорили чуть тише. В конце концов, это все-таки библиотека. – Но в ее улыбке не было никакого веселья. – На сегодня хватит. За работу. Вы, может быть, и добровольцы, но я отвечаю за это заведение, и нам еще много чего надо сделать.

Джулия посмотрела, как Марж выходит из хранилища в читальный зал. Да они здесь все психи, поняла она.

Женщина вернулась к подаренным книгам, но больше не смотрела ни на Альму, ни на Трудю. Молча она продолжила заполнять карточки.

Позже Джулия вышла на ланч.

Назад она больше не вернулась.

Яков сидел на краю незаправленной постели, обхватив голову руками и поставив локти на колени. Он чувствовал себя уставшим и измотанным, а в голове у него что-то стучало. Сидел он так уже около двадцати минут и все это время хотел и пытался встать, но почему-то это ему не удавалось. Это походило на тяжелое похмелье – головная боль и вялость во всем теле, – но он уже давно не напивался и понимал, что не в этом причина его состояния.

В другой день он давно бы был в молебном доме. Была уже середина утра, и жаркое солнце стояло высоко в небе – к этому времени он бы уже закончил подметать пыль, убрал бы кухню и сел готовиться к воскресной проповеди. Но сейчас все это было ему просто не по силам.

Может быть, он заболел?

Нет. Беспокоило его не тело. И даже не его голова. Его беспокоило сердце. Агафья.

Яков не понимал точной причины этого, но сердце начинало ныть, когда он думал об Агафье. А ведь это должно было бы быть счастливейшим временем в его жизни... Его молитвы наконец были услышаны, и женщина вернулась к нему свободная и ничем не связанная. Казалось, что она все забыла и все простила и была готова начать с того момента, когда все у них закончилось.

Но...

Но что-то было не так. Она изменилась.

Конечно, изменилась. Только святые или идиоты проживают свою жизнь, ни на что не обращая внимания, не пытаясь приспособиться к обстоятельствам окружающей действительности и не учась на своих ошибках. Но в случае с Агафьей все было по-другому. Ее отношение к действительности и взгляды на жизнь остались почти неизменными, и на первый взгляд она была все той же Агафьей, только постаревшей. Но глубоко внутри женщины что-то сдвинулось, и теперь в ней было нечто, что вызывало у него тревогу.

Ему было неприятно находиться рядом с ней.

³⁸ Вторая поправка к Конституции США гарантирует гражданам право на хранение и ношение оружия.

Именно поэтому у него было так тяжело на сердце. Женщина, которую он любил и о которой мечтал всю жизнь, пугала его...

Пугала его?

Да.

Ему пришло в голову что, может быть, в этом не было ее вины. Может быть, на нее действуют бесы, *dookh bez zhizni*³⁹.

Яков вздохнул. Он слишком остро на все реагирует. Может быть, это вызвано его беспокойством за нее, его любовью и неспособностью разобраться в своих собственных неоднозначных мыслях... Агафья оставалась все той же религиозной женщиной, которой была всегда. Она была доброй молоканкой, и ему даже в голову не приходило думать иначе.

Или нет?

Он вспомнил то, что произошло в русском городе много лет назад, и, задрожав, закрыл глаза.

Яков всегда полагал – нет, всегда был уверен, – что все, что делает Господь, это хорошо. Господь – это только Добро, и Он не способен на недобрые поступки. И Библия, святое слово Господне, – книга абсолютно чистая и ничем не запятнанная. На земле она находится ближе всего к абсолютному совершенству. Но когда вчера Яков был у Агафьи и посмотрел на ее большую семейную Библию, лежавшую на комод в столовой, у него появилось легкое чувство тревоги. Он пытался убедить себя, что это связано с самой комнатой, с домом... но это было неправдой. Что-то было не так с самой Библией. Черный кожаный переплет выглядел угрожающе, а золотые буквы на нем – слишком аляповатыми и почти неприличными. В этом томе чувствовалось что-то декадентское и порочное. Он бы никогда в это не поверил, но Добрая Книга выглядела совсем не доброй. Она выглядела испорченной. Греховой.

³⁹ Скорее всего автор имеет в виду потусторонний (неживой) дух. По-видимому, молокане в Макгуэйнне относятся к группе дух-и-жизников, которые считали книгу «Дух и Жизнь» третьей частью Библии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.